

№11
Ноябрь 2008

УССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

«МИСС ВГИК»
ОТМЕЧАЕТ
ЮБИЛЕЙ

*От Внешторгбанка к ВТБ.
Расширяя горизонты...*

Когда мы стремимся к намеченным целям, мы объединяем опыт, знания и силы, чтобы двигаться вперед и подняться на новую высоту.

9 банков в 8 странах СНГ и Европы.
Одно имя — ВТБ.

8 (800) 200-77-99
(звонок по России бесплатный)
(495) 739-77-99 (московский номер)

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕТИЦКИЙ

Главный редактор
Александр Сватиков

Редакционная коллегия:
Вера Церетели, Алла Беженцева,
Инна Кулишова, Арсен Еремян,
Нелли Узнадзе, Донара Канделаки

Художник-дизайнер
Ираклий Кипиани

Технический редактор
Давид Абуладзе

Допечатная подготовка
Давид Элбакидзе-Мачавариани,
Алена Деняга

№11 (38)
Ноябрь 2008

Адрес редакции:
Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2;
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.russianclub.ge

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАЗДНИК	ТБИЛИСОБА - 2008	4
СООТЕЧЕСТВЕННИКИ	РУССКИЙ МИР В ДЕЙСТВИИ	6
ВИЗИТ	«ЭТО НАША ВЕРА»	9
ВИДЕОМОСТ	БОЛЬШЕ ВСЛУШИВАТЬСЯ ДРУГ В ДРУГА	10
ТРАДИЦИЯ	ПО СЛЕДАМ ДАНТЕ	12
ЮБИЛЕЙ	«КАВКАЗ... НЕСОМНЕННО СТРАНА ЛЮБВИ...»	14
ДАТА	«УМ И ДЕЛА ТВОИ БЕССМЕРТНЫ...»	19
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ	НАЙДЕННОЕ ВРЕМЯ	20
ПРЕЗЕНТАЦИЯ	«ЗА ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ДНЕЙ ДО ВОЙНЫ...»	26
ФЕСТИВАЛЬ	«ВГЛУБЬ МОЖЕТ РАЗВИВАТЬСЯ ТОЛЬКО СУДЬБА...»	28
ТВОРЧЕСТВО	СЛОВО - УЧАСТНИКАМ ФЕСТИВАЛЯ	33
ИЗ ПЕРВЫХ УСТ	«ЖИТЬ НАДО ПРАВИЛЬНО...»	36
ЗНАЙ НАШИХ!	«МИСС ВГИК» ОТМЕЧАЕТ ЮБИЛЕЙ	38
О, СПОРТ!	ОН НАУЧИЛ ГОРОД ПЛАВАТЬ	40
ПРИЗНАНИЕ	ВЗЛЕТ ИТАЛЬЯНСКОГО СОЛОВЬЯ	44
ВЕРНИСАЖ	МОСТ ЧЕРЕЗ ВЕКА	46
ДАРЬЮШКИНЫ ПОСИДЕЛКИ	КАК БАРИН СОБАКОЙ БРЕХАЛ	48
СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ	ВЕЧНЫЙ ОРЕОЛ ЗАГАДОЧНОСТИ	50
ПАМЯТЬ	КРАСИВО ПРОЖИТАЯ ЖИЗНЬ	53

На обложке - заслуженная артистка Грузии
Людмила Артемова-Мгебришвили

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

ТБИЛИСОБА-2008

Фоторепортаж Александра Сватикова

РУССКИЙ МИР В ДЕЙСТВИИ

Об уникальном феномене и самом понятии Русский мир можно много рассуждать и спорить. У каждого будет свое восприятие и толкование. Что есть Русский мир? Наверное, это не только русские и россияне, это и соотечественники за рубежом, и потомки давних эмигрантов, и новая волна эмиграции из СНГ, и иностранные граждане, для которых русский язык и культура не пустой звук. Треть миллиарда человек, живущих за пределами России, говорит или думает по-русски. Это огромная масса людей, ощущающих свою причастность к культурному и духовному наследию Русского мира. Российская диаспора хоть и находится за рубежом, но связана с Россией духовными и историческими корнями. Потому ядро и основа Русского мира – это сама Россия с многообразием ее

культуры, традиций и этносов.

Для современного российского общества одной из важных задач становится консолидация Русского мира, реализация его многогранных возможностей, огромного творческого и интеллектуального потенциала.

Этому и была посвящена II Ассамблея Русского мира, прошедшая в Москве 3-4 ноября. Она открылась, как и в прошлом году, в здании Интеллектуального центра Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, традиционного места встречи представителей русского зарубежья. «Символично, — сказал ректор МГУ Виктор Садовничий, — что фонд «Русский мир» родился там, где и ломоносовская «Грамматика». Ассамблея была организована фондом «Русский мир» и приурочена к празднованию Дня народного единства, который отмечается в России 3 ноября.

Она проходила под девизом «Русский мир в действии». Здесь подводились итоги работы фонда за год, были представлены реализованные гуманитарные проекты в рамках его программы грантов. Проекты эти направлены на развитие и популяризацию русского языка и культуры, содействие общественным организациям и объединениям соотечественников, подготовку и издание учебно-методической литературы, международные и информационные проекты.

Фонд работает по двум основным направлениям: предоставление грантов на поддержку мероприятий по сохранению и изучению русского языка и открытие центров русского языка и культуры по всему миру.

За год фондом «Русский мир» были поддержаны 264 проекта, из них две трети зарубежные. Заявки подавались самые разные: создание учебников по русскому языку и литературе, было 45 заявок от СМИ, 80 заявок на проведение конференций и симпозиумов русистов по всему миру и создание русских культурных центров в университетах и крупнейших библиотеках мира.

«Продвижением русской культуры должны заниматься центры, аналогичные Британскому Совету, Институтам Данте и Сервантеса. На сегодня открыто десять таких центров, — сообщил исполнительный директор правления фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов, - в ноябре будет еще пять, в декабре – семь. Мы выходим на хорошую проектную мощность: более одного центра в неделю. Это ресурсные центры: библиотека, видеотека, аудиотека, компьютерный класс, методики преподавания русского языка и площадка общения для тех, кто интересуется Россией».

Руководитель МИДа Сергей Лавров в своем выступлении отметил, что на следующий день, 4 ноября, едет в Японию на остров Хоккайдо на церемонию открытия Русского центра. Министр образования Андрей Фурсенко порадовал, что их ведомство отправляется в Латинскую Америку. Ректор МГУ Виктор Садовничий сообщил, что действуют уже четыре филиала МГУ в Астане, Ташкенте, Баку и Севастополе, где обучение идет по стандартам МГУ. Скоро будет открыт такой филиал и в Душанбе.

Залы Интеллектуального центра МГУ в день откры-

твенников из 60 стран, российские и иностранные ученые, преподаватели русского языка, известные литераторы, публицисты, издатели, деятели культуры и искусства; представители религиозных конфессий, русскоязычных СМИ за рубежом, видные благотворители. Они собрались обсудить перспективы укрепления позиций русского языка и культуры в мире. Свое приветствие участникам ассамблеи направили Президент Российской Федерации Дмитрий Медведев и Патриарх Московский и всея Руси Алексей II.

Программа работы второй Ассамблеи была насыщенной. В фойе развернуто сразу несколько выставок: народные промыслы, книжная ярмарка, выставочная экспозиция фонда «Русский мир», экспозиции «Визитные карточки регионов России», «Русский мир без границ», открыты видео- и фотовыставки. Кроме того, представлены несколько работ всемирно известного художника и философа Луиса Ортеги – испанца, живущего в России: это русские пейзажи, портреты русских писателей и представителей русской культуры.

Надо сказать, что на этот раз церемония открытия ассамблеи, продолжавшаяся почти три часа, была не столь официозной. Доказательством межкультурного диалога стали выступления официальных лиц и зарубежных творческих коллективов, получивших грантовую поддержку фонда. Мы познакомились с Театром танца «Фантазия» из Узбекистана, действующем при ферганском центре «Русичи», услышали молодежный русский хор из Лондона. А в заключение официальной части всех ожидал сюрприз – выступление легендарной французской певицы Мирей Матье. Она вышла на сцену в качестве специального гостя ассамблеи и, как было заранее обещано, «поделилась своей любовью к русскому языку».

Прозвучавшие в ее исполнении «Подмосковные вечера» и «Очи черные» с мягким гласисированием надолго запомнятся.

В программе круглого стола «Российская культура в мировом контексте» были основные доклады авторитетных московских специалистов, а модераторами – главный редактор газеты «Культура» Юрий Белявский и замдиректора Института искусствознания Александр Рубинштейн. Говоря о российской культуре в мировом контексте, никак нельзя было обойти ставшую чрезвычайно актуальной тему особого пути развития России – поиска русской идеи. Правда, сформулировать ее до сих пор никому не удается, тем не менее, русский путь и миссия русского народа об-

суждаются постоянно. Русская идея, по мнению одного из докладчиков, есть способ русского народа переживать открытость миру. Он подчеркнул, что с конца XIX века вопрос о Русском мире срастается с

тия ассамблеи были переполнены. Здесь собралось около тысячи гостей: государственные и общественные деятели, представители организаций соотечес-

русской идеей. В связи с этим в России всегда трепетно воспринимается международный рейтинг страны, хотя по многим показателям он, увы, очень низок. Тем не менее, эти рейтинги обсуждаются с особым рвением. «Нам важнее обсудить, между какими странами нас поставили, чем заставить свое правительство хоть как-то поменять к лучшему картину по тем или иным проблемам», – подчеркнул докладчик.

На круглом столе обсуждался широкий круг вопросов, затрагивались самые острые темы. Лейтмотивом докладов и дискуссий звучало: «Самое хрупкое и ранимое – наша культура», «Только русские ищут в искусстве утешения», «Культуру надо защищать от нас самих», «У нас культура все время находится в центре кризиса». Все докладчики отмечали недостаточное внимание властей к искусству и вопросам культуры, говорили о том, что государственная поддержка культуры в России меньше, чем в большинстве развитых стран. Например, специалисты утверждали, что кино в России находится в кризисе из-за нехватки финансирования и государственного подхода к киноиндустрии в целом.

Отмечали также, что преподавание литературы в школах сокращено в два раза, повсеместно уничтожаются многие памятники архитектуры, в том числе в Москве. «Надо кардинально пересмотреть положение культуры, ее проблемы должны быть внесены в России в законодательную сферу». «Миру не безразлична русская культура. Главный вопрос – понимание культуры народом и правительством. У нас должна появиться ответственность за собственную культу-

если мы будем действовать без нажима и пропаганды».

Наряду с докладами были и краткие выступления участников ассамблеи из разных стран, и таких далеких как Австралия, где есть русский театр в Мельбурне и активно работает Чеховская драматическая студия – своеобразная творческая лаборатория для молодежи. Звучали и самые разные предложения: провести фестиваль детских русскоязычных театров, двусторонние выставки новых книжных изданий – и российских, и соотечественников за рубежом; создать музей русской культуры во Франции; издавать газету соотечественников, живущих в Европе, что будет способствовать их объединению. Представитель фонда «Русский мир» Марк Неймарк озвучил необходимость поддержки литературного перевода, в этой сфере за 17 лет многое утрачено.

Проблемы сохранения русского языка поднимались на ассамблее постоянно в ходе дискуссий во всех секциях. Так, обсуждалось эмоциональное выступление директора Института стран СНГ Константина Затулина, по выражению которого, нынешняя ассамблея – повод еще раз «ударить в колокол», не допустить сужения сферы применения русского языка и культуры, особенно в странах СНГ. Говорили также о необходимости борьбы с искажениями норм русского языка, особенно в средствах массовой информации. В частности, председатель попечительского совета фонда «Русский мир» Людмила Вербицкая предложила подумать о создании специализированного телеканала, который был бы посвящен именно литературному русскому языку. Изменения в русской лексике отмечают и зарубежные специалисты. Дэн Дэвидсон продемонстрировал новые учебники русского языка, выпущенные в США. Он подчеркнул, что в учебниках наряду с нормативами русского языка показаны и те изменения, которые появились за последнее время, иначе преподавание не будет отражать живую языковую реальность.

Несмотря на расхождение мнений в дискуссиях, все сходилось в одном: необходимо искать новые возможности для популяризации и продвижения русского языка и культуры за пределами России. А на родине продвигать литературный русский язык и культуру, проводить семинары,

мастер-классы, выдавать гранты перспективным начинаниям. При государственной поддержке и той заинтересованности, которую проявили участники ассамблеи, все вполне достижимо. Новые горизонты Русского мира уже открываются, как заявил Вячеслав Никонов, Русскому миру есть что предъявить всему мировому сообществу.

Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Звучит русская народная песня

ры».

Говорили, что хорошо бы вместо поддержки одноразовых громких фестивалей и массовых зрелищ делать систематические государственные финансовые вливания в работу музеев, библиотек, детских культурных центров. Необходимо финансировать интеллектуальное кино, театр, искусство, а поп-культура сама научилась выживать. «К нам повернется мир,

«ЭТО НАША ВЕРА»

С четвертого по десятое ноября в Москве, по благословению Каталикоса - Патриарха всея Грузии Илии II находилась делегация Грузинской Православной Церкви. В ходе встреч с представителями русского духовенства достигнута договоренность об ответном визите служителей Русской Православной Церкви в Тбилиси 25 декабря в связи с празднованием грузинского патриарха.

Встреча в Московской патриархии

Об этом, а также о ходе визита его участники рассказали в Тбилиси на пресс-конференции под названием «Грузинская и русская церкви, их роль в преодолении результатов войны».

Как сообщил журналистам экс-посол Грузии в России, политолог Зураб Абашидзе, визит состоялся в рамках соглашения, заключенного между патриархами двух стран в июле этого года. Он намечался на август, но в связи с драматическими событиями в Южной Осетии, стал возможным лишь сейчас. «Осуществлению визита способствовала позиция патриархии РПЦ, подтвердившей несколько недель назад признание канонических границ Грузинской Православной Церкви в пределах всего государства. Эта позиция была высказана еще в 2000 году, и она остается неизменной», - подчеркнул Абашидзе.

В составе грузинской делегации были председатель отдела по внешним связям патриархии митрополит Цаишский и Зугдидский Герасиме, архиепископ Самтависский и Горийский Андриа, дьякон Георгий Харацишвили и политолог Зураб Абашидзе. Главные встречи состоялись в Московской патриархии. Грузинскую делегацию принял у себя его Святейшество, Патриарх Московский и всея Руси Алексий II.

«В один из дней мы встречались с митрополитом Кириллом, руководящим международными связями РПЦ. На этой встрече, как и на всех без исключения, не раз подчеркивалось, что в сложившейся ситуации взаимосвязи между церквями имеют принципиальное значение. По мнению обеих сторон, в столь сложный период, церкви могут спасти ситуацию. При этом мы осознаем, что существует много серьезных проблем», - сказал на пресс-конференции митрополит Потийский и Хобский Григол.

По словам участников пресс-конференции, большую заинтересованность к визиту грузинской делегации проявили российские журналисты, и он был оценен ими как «единственный на сегодня позитивный фон в отношениях между Грузией и Россией». Главный акцент делался на том, что, несмотря на крайне

напряженные отношения, был сделан первый шаг друг к другу.

«По инициативе МИДа России состоялась встреча, на которой обсуждались проблемы, возникшие после военных действий. Когда ситуация столь напряжена, у любого визита есть политическая нагрузка, и мы не смогли этого избежать. Обе стороны признают, что положение очень непростое, и понадобится много усилий для его урегулирования», - отметил Зураб Абашидзе.

Встретилась грузинская делегация и с нашими соотечественниками в Москве. «Все сошлись во мнении, что это очень важный визит, и что на данном этапе сделано все, что могло быть сделано. Сам факт, что визит состоялся, очень значим. Так оценивают его и в Москве», - добавил Абашидзе.

Как отметил Митрополит Григол, на каждой встрече особо подчеркивалось, что ни грузинский народ, ни грузинская церковь никогда не смиряются с потерей исконно грузинских земель. «При этом есть определенные сложности на местах, и РПЦ может нам посодействовать. Мы знаем, что рецептов и окончательного ответа нет ни у одной из сторон. В РПЦ очень озабочены тем, что произошло в Южной Осетии. Требуется наведение порядка с канонической точки зрения. Но мы почувствовали заинтересованность с российской стороны, у них есть свои версии, предложения. И это настраивает на позитивный лад».

Итоги пресс-конференции подвел Зураб Абашидзе: «Церкви должны сыграть сейчас особую роль. Главное, не надо политизировать обстановку, и тогда они смогут сказать свое весомое слово. Состоялся первый визит. Уверен, что диалог продлится, так как есть много вопросов, волнующих обе стороны. Найти решения нелегко. У РПЦ есть свои варианты, но все они требуют очень осторожного подхода, так как касаются такой тонкой темы, как душа человека. Это наша вера, и допускать ошибок здесь никак нельзя».

Нино ЦИТЛАНДЗЕ

БОЛЬШЕ ВСЛУШИВАТЬСЯ ДРУГ В ДРУГА

«Война в Грузии. Два месяца спустя. Как живут русская диаспора в Грузии и грузинская в России?». Видеомост под таким названием прошел между Тбилиси и Москвой по инициативе Союза грузин в России и Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб» в международном пресс-центре РИА-Новости. Собравшиеся по обе стороны Кавказского хребта говорили о сложившейся между странами обстановке и попытались найти ключи к разрешению непростого положения.

В пресс-центре в Тбилиси в видеомосте приняли участие президент «Русского клуба» Николай Свентицкий, главный редактор журнала «Русский клуб» Александр Сватиков, журналист и член правления «Русского клуба» Вера Церетели, заслуженная артистка Грузии, актриса театра им. А. С. Грибоедова Людмила

Артемова-Мгебришвили, главный редактор газеты «Головинский проспект» Владимир Головин, председатель Ассоциации грузино-российских взаимосвязей Аджарии Александра Анисимова, председатель Союза русских женщин Грузии «Ярославна», вице-президент «Русского клуба» Алла Беженцева. В московской студии собрались президент Союза грузин в России Михаил Хубутия, вице-президент Союза Вилен Габашвили, главный редактор журнала «Дружба народов» Александр Эбаноидзе, адвокат адвокатского бюро «Грант-Право» Шота Горгодзе, учредитель и председатель правления Международной федерации русскоязычных писателей Олег Воловик.

Видеомост открыл Николай Свентицкий. Он рассказал о состоявшейся накануне презентации поэтического сборника «За четырнадцать дней до войны», вышедшего по итогам Международного русско-грузинского поэтического фестиваля - 2008. «На мой взгляд, выход в свет сборника – знаковое событие для нас, для нашего клуба и, думаю, для всего нашего города. В него вошли стихи о Грузии, написанные русскими поэтами из 25 стран. Не обошли они вниманием и страшные, непонятные для нас августовские события. Вышли два номера журнала «Русский клуб». Многие тбилисцы, наши постоянные читатели волновались за судьбу наших изданий». Отвечая на вопрос московской студии о сегодняшнем положении дел, Николай Свентицкий подчеркнул: «Мы хотим сказать, что мы живы и здоровы, и так будет дальше, и опасений в стране, в который мы все родились, по национальному признаку мы не предвидим. Я думаю, что грузинский народ достаточно мудр, чтобы не делить

на русских, грузин и китайцев. В нашем городе есть одна нация и называется она горожанин, по крайней мере, в том городе, в котором я родился, так было. Все наши цели и задачи прозрачны, мы каждый день нашей жизни доступными нам способами будем заниматься укреплением имиджа России, россиян и делать все, чтобы как можно быстрее между братскими, подчеркиваю, народами воцарился мир. Потому что есть исключительно большая потребность в общении, и эту идею мы будем поддерживать, проводить всяческие мероприятия, фестивали, конкурсы, издавать книги, чтобы не потерять эту, как нам кажется, хрупкую нить. По крайней мере, мы никогда не будем здесь уподобляться страусам, которые прячут голову в песок. Мы будем действовать на благо наших народов».

В свою очередь, Михаил Хубутия заверил тбилисцев, что «с каждого грузина в России буквально сдувают пылинки». Он отметил также, что произошедшее – «война политиков, а не народов».

По ходу видеомоста много говорилось о роли культуры и интеллигенции в восстановлении русско-грузинских отношений. По мнению главного редактора журнала «Дружба народов» Александра Эбаноидзе, сегодняшняя встреча - это попытка в какой-то форме сохранить те поразительные богатства, которые накоплены народами совместно. «Для этого, я думаю, надо больше вслушиваться друг в друга». Эбаноидзе выступил с предложением провести совместные культурные акции, посвященные 50-летию журнала «Литературная Грузия» и 70-летию журнала «Дружба народов»: «ведь это возможность сохранения очага, который едва теплится. Ведь холодно между Россией и Грузией стало. Важно, чтобы он окончательно не погас, этот очаг».

И все-таки дружеские связи не отменяют накопившихся проблем. «Давайте будем объективными, проблемы существуют, и рано на них закрывать глаза», - отметил Николай Свентицкий.

Разговор несколько раз возвращался к Международному русско-грузинскому поэтическому фестивалю. Своими впечатлениями поделился Олег Воловик: «За несколько дней до начала войны мы уехали из Грузии. Мы с огромной болью отнеслись к тому, что случилось. Часто политики ставят деятелей культуры в неловкое положение, после чего последние выводят их на новый виток гуманитарного общения. Знаково, что гимн МФРП написала Римма Казакова на музыку Тенгиза Джаиани в исполнении ансамбля «Рустави» и замечательной певицы Эки Квалиашвили. Я всегда подчеркиваю этот факт. Думаю, у нас ничего бы не получилось без поддержки наших грузинских братьев и сестер, тех людей, которыми движет совесть, высокая нравственность и взвешенные оценки ситуации». Олег Воловик от имени МФРП вручил почетные медали руководителям Союза грузин в России.

«Между русскими и грузинами протянулась нить, гораздо более прочная, чем кажется политикам. Хорошо было бы, если политики подумали еще и о том, что Грузию и Россию связывают два века единого существования, культурного, географического, и Кавказский хребет мы не сможем передвинуть, и соседи, по крайней мере, в грузинском понимании, иногда ближе родственников, а мы еще и соседи, и родственники. И единоверцы. Если мы попытаемся изнутри сблизить общение, это будет самый большой вклад. Потому что это дело людей, а не политиков», - сказала «грузинская невестка», журна-

лист Вера Церетели.

По мнению участников видеомоста, «заложниками» спора между политиками двух стран зачастую становятся уникальные памятники культуры. В частности, вопрос касается мемориала Смирновых - одного из ценнейших памятников пушкинской эпохи за пределами России. Как рассказал зритель музея Александр Сватиков, не надо ограничивать этот уникальный памятник национальными рамками, потому что он в равной степени принадлежит всему цивилизованному миру. «В Грузии, лично для меня, это один из уникальных уголков старого Тифлиса, грузинской культуры. Посетители видят автографы Александра Чавчавадзе, материалы о

творчестве Николоза Бараташвили, других видных деятелей грузинской культуры. Уже 23 года не решаются элементарные юридические вопросы вокруг музея. В этом году, после открытого письма представителей русской культуры на имя президента Грузии, было принято решение о присвоении музею статуса юридического лица общественного права. Однако прошло уже больше полугодия, а воз, как говорится, и ныне там. Не берусь утверждать в чем тут дело. Ведь этот памятник призван работать, в первую очередь, на укрепление грузинско-российских культурных связей».

Безусловно, выбрав темой видеомоста войну в Грузии, невозможно было обойти политическую тему. «Согласитесь, то, что мы обсуждаем последствия русско-грузинской войны, какой-то нонсенс. Да, были между нашими странами тяжелые периоды, но мы и представить не могли, что все так обернется», - сказал Вилен Габашвили.

И тем не менее, участники встречи сошлись во мнении, что представители интеллигенции, народы обеих стран должны прилагать больше усилий для восстановления и сохранения для будущих поколений традиций, которые исторически связывали русских и грузин. «Соседство, основанное на единой вере и родственных связях, не может быть утрачено. Нас объединяет понятие родины», - говорили участники видеомоста в Москве и Тбилиси.

Общее мнение выразил Николай Свентицкий, сказав, что у нас нет другого пути, как быть вместе. «А для этого мы должны часто встречаться».

Нино ЦИТЛАНДЗЕ

ПО СЛЕДАМ ДАНТЕ

Витторио Сандалли

мероприятий, приуроченных к этому событию.

Итальянский язык наиболее близок к латыни из всех языков романской группы. Его образованию послужило тосканское наречие. Благодаря произведениям Данте Алигьери, Франческо Петрарки флорентийский диалект обрел большую популярность. Со временем язык, соединивший прошлое и настоящее страны, обогащался словами из других диалектов. В своем трактате великий Данте писал, что для образования итальянского языка следовало выбрать самое лучшее, что может предложить каждый из диалектов. Итальянский язык оказывает влияние на лексический состав других языков, например, в областях музыки, живописи, театра, кино, моды...

Итальянский язык – государственный язык Италии, Ватикана, Швейцарии, Сан-Марино. На нем говорят более 70 миллионов человек в мире. Особую популярность в течение многих лет языку приносят художники, скульпторы, музыканты, артисты...

В рамках Недели итальянского языка Посол Италии в Грузии Витторио Сандалли представил журналистам нового атташе по культуре, профессора Роза-

Грузинские и итальянские артисты

В октябре в мире прошла VIII Неделя итальянского языка. Посольства Италии и Швейцарии в Грузии при поддержке администрации области Пьемонт провели в Тбилиси ряд

риу Коррадо. Она будет преподавать в Тбилисском государственном университете имени Иванэ Джавахишвили.

«В Тбилиси много учебных заведений, где преподают итальянский язык. В университете И. Чавчавадзе в этом году на факультет итальянского языка зачислено 129 студентов. В университете Ив. Джавахишвили язык изучают 98 студентов, для 36-ти из них – это основной предмет. Кроме того, в нескольких начальных школах итальянскому языку обучаются около 500 детей. Его изучают также в консерватории, Грузинско-европейском институте и других», – познакомила нас со статистикой Розария Коррадо.

Ежегодно МИД Италии предоставляет квоты студентам из Грузии. В течение нескольких месяцев они изучают и совершенствуются в языке на родине Данте. Сотрудничество постоянно расширяется. Недавно ТГУ посетил профессор Болонского университета Лоренцо Перроне. В будущем грузинские студенты будут учиться в старейшем университете Европы. Подписано соглашение и о сотрудничестве между ТГУ и Венецианским университетом.

Посол Витторио Сандалли сказал, что в Грузии проявляют большой интерес к итальянскому языку. «Я не раз отмечал, что для меня предметом гордости является тот факт, что встречаю людей, самостоятельно изучивших итальянский язык», – сказал он.

Кстати, в Тбилиси живет грузинский художник Джованни Вепхвадзе, самостоятельно изучивший не только литературный итальянский язык, но и несколько его диалектов. Джованни Вепхвадзе, владеющий энциклопедическими познаниями об Италии, приобретший к великой культуре и членов своей семьи,

пишет стихи на неаполитанском диалекте.

Посол Витторио Сандалли поблагодарил администрацию Пьемонта, при поддержке которой ранее уже были проведены несколько культурных мероприятий, за ее вклад в развитие культурных отношений между Италией и Грузией.

Пьемонт, славящийся своей богатой природой и культурой, известен и тем, что король Сардинского королевства и первый король объединенной Италии Виктор Эммануил II и выдающийся государственный деятель Италии граф Камилло Бенсо Кавур привели страну к независимости.

Для любителей итальянского кино в Доме кино прошел показ фильма «Главная улица» Бьянки Конти Россини. Главным событием же стали гастроли «Assemblea Teatro» из Турина. На сцене театра имени К. Марджанишвили был показан самый старый спектакль из репертуара – «Через повседневности жизни и магии небес в поисках свободы».

«Этот спектакль не только представление и пропаганда итальянской культуры и языка. Мы хотим, чтобы Грузия стала более известна среди итальянцев», – подчеркнул Витторио Сандалли. Послу принадлежит интересная инициатива – перед спектаклем итальянские артисты встретились с грузинскими коллегами и знакомили со своими персонажами прохожих на улицах столицы.

Пьеса основана на произведениях, писавшихся символично на камнях. Она об истории отношений людей с природой, борьбе добра и зла, гармонии между небом и землей. Вместо фольклорной музыки, которая на первый взгляд, более логично вписалась бы в атмосферу спектакля, режиссер импровизирует и использует музыку Pink Floyd, Genesis и др. Заметны и традиции знаменитой итальянской *commedia dell' arte*, однако в спектакле не все артисты в масках. В спектакле мало слов. Все они практически в его названии, зато активно используется язык жестов. Этот язык очень близок итальянцам, а среди знаменитых киноактеров, кого

отличает активная жестикуляция, наиболее известны Альберто Сорди, Тото...

«Спектаклю 30 лет. Мир изменился с большой скоростью, появляются новые взгляды, подходы. Мы безболезненно перенесли изменения в культуре. Сила спектакля в его оригинальности, происхождении. Он родился в очень непростое для нашей страны время – во второй половине 70-х годов прошлого столетия, вошедших в историю как «годы пули». Италию тогда захлестнула волна терроризма. Спектакль был рожден желанием внести покой, радость в жизнь зрителей», – говорит режиссер Ренцо Сикко.

Художественный руководитель Грузинского театра пантомимы Амиран Шаликашвили, сохранивший и возродивший школу пантомимы в Тбилиси, поделился своими впечатлениями: «С Италией нас связывают давние отношения. В 1986 году, участвуя в Берлинском фестивале, мы познакомились с коллегами из театра Вероны. Приезд «Assemblea Teatro» – для нас большая радость. Сцена была подобрана удачно. Театр имени Марджанишвили идеально подходит для таких постановок. В Европе мои коллеги знают, что это моя любимая сцена и для своих выступлений выбирают именно ее.

Впечатление от спектакля очень хорошее. Заметен высокий профессионализм. Традиции, культура имеют большое значение. В конце спектакля под музыку на сцену поднялись тридцать грузинских артистов. Это было яркое зрелище. Я очень благодарен за теплоту, которую они внесли, что еще раз напомнили о прекрасной итальянской культуре.

У нас была замечательная встреча с послом В. Сандалли. Он с начала этого года добивался приезда этой труппы. Я подумал, что было бы хорошо, если и в Грузии кто-то возьмется пропагандировать за рубежом сокровище, которое находится в центре нашего города – Театр пантомимы.

Ренцо Сикко во время посещения нашего театра, поднялся на сцену босиком. Есть такая традиция в наших кругах. Этим он выразил нам свое уважение».

Театр «Assemblea Teatro» создан тридцать лет назад и за это время часто гастролировал в Европе, США, Латинской Америке, Африке... Спектакли ставятся как по мотивам итальянских авторов, так и зарубежных. Это эклектичный театр, и представляет не только пантомиму. В своих работах режиссер обращается также и к известным гуманистам. «Мы очень любознательны и стараемся говорить на разных языках и с разным зрителем. Наш последний спектакль «Похороны Неруды» на испанском языке был поставлен по произведениям чилийского поэта. Тема – сила слова против страха. Он об эпохе падения общества, жестоким перевороте», – сказал Сикко.

Режиссер-интеллектуал Ренцо Сикко призывает людей задуматься о силе воздействия слова. Журналисты, артисты порой не обращают внимания на это, но в трудных ситуациях оно иногда обретает решающее значение. Сикко был знаком с несколькими узниками концлагерей, и на вопрос, что им помогло выжить, те отвечали: стихи, песня, фрагменты из любимых произведений, слово...

Ренцо Сикко

На тбилисской улице

Миранда ОГАНЕЗОВА

Л.Н.Толстой. 1854

«КАВКАЗ ... НЕСОМНЕННО СТРАНА ЛЮБВИ...»

ИСПОЛНИЛОСЬ 180 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЛЬВА ТОЛСТОГО

Казалось бы, по дням изучены творчество, жизненный путь гения, в деталях известны его грузинские и кавказские связи. Остается отмечать юбилей и писать привычные слова о современном прочтении классики. Но после августовской трагедии 2008 года любые слова о русско-грузинских взаимосвязях обретают иной смысл. Да и что, в таком случае, могут выразить слова? Но лишь посредством слов и начинается диалог. В новую эпоху, которая наступила в одночасье. И что нам остается? Обратиться к великим.

Каждая эпоха из необозримого классического наследия выдвигает на первый план то или иное имя. В нашей ситуации и не только в связи с юбилеем, пожалуй, самым актуальным становится Толстой. С его глубинной связью с Грузией, и его беспощадным анализом столкновения людей в состоянии бесчеловечной войны.

Лев Николаевич Толстой как писатель родился в Грузии. Есть в атмосфере этой страны могучий творческий заряд, который привел в действие таинственный механизм вдохновения многих русских писателей. В июне 2002 года музей-усадьба Л.Н.Толстого «Ясная Поляна» совместно с Пушкинским мемориалом

Евгений Лансере. Иллюстрации к «Хаджи-Мурату»

лом дома Смирновых провели в Тбилиси международную конференцию – «Л.Н.Толстой в 1850-е годы: рождение художника». Эта первая после долгих лет разрухи 1990-х масштабная встреча русских, грузинских и зарубежных ученых прошла в особой приподнятой обстановке. Казалось, культурное поле начало заново «вспахиваться» и даст плоды. Рефреном звучало значение Кавказа и Грузии для русского художественного сознания.

Молодой граф прибыл на Северный Кавказ весной 1851 года, где служил офицером его брат Николай Николаевич. Лев Толстой искал себя, это был период душевного кризиса, и таких поворотных моментов будет немало на пути великого писателя. Но то был юношеский, возможно, самый важный порыв наполнить жизнь новым смыслом. Он решил поступить на военную службу и для сдачи экзаменов вместе с братом прибыл в Тбилиси по Военно-Грузинской дороге 1 ноября 1851 года.

В Грузии Толстой пребывал более двух месяцев. В знаменитом письме Т.А.Ергольской от 12 ноября племянник признается: «Помните, добрая тетенька, что когда-то вы посоветовали мне писать романы; так вот я послушался вашего совета – мои занятия, о которых я вам говорю, – литературные. – Не знаю,

появится ли когда на свет то, что я пишу, но меня забавляет эта работа, да к тому же я так давно и упорно ею занят, что бросать не хочу...» Речь шла о повести «Детство», которая через несколько месяцев была опубликована в журнале «Современник».

Толстой редко лукавил, но когда говорят это, имеют в виду состоявшегося Толстого. Родственнице же пишет юноша-дебютант, еще не уверенный в значении своего занятия, поэтому рядом почти исключаящие друг друга «забавляет» и «упорно занят».

И в письме к тому же адресату через три дня: «Не знаю, является ли Кавказ страной вдохновенья, но он несомненно страна любви...»

Толстой жил в немецкой колонии – предместье, «окруженном садами и виноградниками». Граф был стеснен в средствах, и немецкая колония (сегодня это район проспекта Давида Агмашенебели), помимо своей живописности и тишины, необходимой для литературных занятий, отличалась дешевой жизнью. Толстой снял две комнаты за пять рублей серебром в месяц, а в районе Головинского проспекта пришлось бы платить все сорок. Ныне это центр Тбилиси и на доме, в котором предположительно жил писатель, установлен

лена мемориальная доска.

В последний день 1851 года Толстой из Тифлиса направил прошение на имя императора Николая I об определении его на военную службу. В нем были слова о решении служить «вовсе не из ребячества». Разрешение было получено.

Новоиспеченному военному суждено было провести на Кавказе более двух лет, врати в его жизнь и осмыслить как неотъемлемую часть своих писательских интересов.

9 июля 1854 года Толстой перед отъездом с Кавказа записал в дневнике слова, которые оказались пророческими: «Я начинаю любить Кавказ, хоть посмертной, но сильной любовью. Действительно хорош этот край дикий, в котором так странно и поэтически соединяются две самые **противоположные вещи – война и свобода**».

Ранние произведения – начало пути писателя, – тем не менее, определили Толстого как надежду и будущее русской литературы. Характерно, что первым из военных рассказов был «Набег», написанный с мая по декабрь 1852 года. В нем представлено реальное событие – набег на аул горцев, участником которого был автор, и персонажи имеют реальных про-

тотипов. Еще неявно, но определенно звучит будущая основная мысль Толстого о бессмысленности войны, о противоестественности человекоубийства, о дисгармонии природных сил и человеческих действий.

Толстой сделал несколько мирового масштаба открытий в художественном осмыслении войны. Родились они на Кавказе и чуть позже – в Севастополе. Впервые в мировой литературе война предстала не цепью побед и поражений, не подвигами и предательствами, а ратным трудом, неестественным, но обычным, каждодневным.

Л. Толстой с братом Николаем. 1851

Далее были «Севастопольские рассказы» и эпопея «Война и мир», в которой, казалось бы, с необычайной мощью выразилось все отношение писателя к проблеме «народ и война», «человек и война». Однако через много десятилетий Толстой вернулся к мучившей его теме Кавказской войны. Над повестью «Хаджи-Мурат» Толстой работал с перерывами восемь лет – с 1896 по 1904 гг., что само по себе свидетельствует о ее значении в зрелые годы творчества. Она стала завершающим творением о войне и шедевром с неповторимой энергетикой.

Историю любимого наиба, а потом врага Шамиля, Хаджи-Мурата, перешедшего на сторону русских Толстой знал уже в 1851 году, когда он сам был участником Кавказской войны. Но считается, что толчком к созданию повести стал дикий «татарин»-релей, который попался ему в поле среди иных полевых цветов. Столкновение нескольких миров – природы и человека, разных цивилизаций и сознаний, простого человека и машины власти, менталитета мужчины и женщины сплелось в сложнейшем конфликте повествования.

Материалы к повести собирали Толстому грузинские друзья, в первую очередь, И.Накашидзе и историк С.Эсадзе. Переписка свидетельствует о том, как скрупулезно собирал писатель факты и реалии этой истории, как подробно интересовался и архивными материалами, и сведениями последних из живых современников, как пытался сквозь документы пробиться к верному пониманию не только событий, но их причин.

Профессор Заза Абзианидзе на конференции «Рождение писателя» анализирует статью Ивана Дзюбы «Нам только сакля очи колет...» о кавказской тематике Толстого, опубликованную в 1996 году в «Дружбе народов», и ожесточенную полемику вокруг статьи. И.Дзюба, в частности, пишет: «Лев Толстой, иронизирующий над «удальцами», «образовавшимися по Марлинскому и Лермонтову», своими «Казака-

ми», а особенно «Рубкой леса», «Набегом» и «Хаджи-Муратом», снял экзото-романтическую визию Кавказа, дал – в контексте мирообъясняющих поисков личности – суровую реалистическую картину столкновения двух сил: стихийно-автохтонной и государственно-направленной, жуткую конкретность уничтожения целого самобытного мира (вспомним хотя бы сцены «плановых» воинских погромов в «Хаджи-Мурате» и в «Набеге»). Разумеется, толстовская философия и моральная высота и в этом случае, как и в других, оказалась труднодоступной».

Можно подтвердить, что она оказалась труднодоступной не только в толстовские, но и в наши времена, а может, в наши еще менее доступной. Еще в процессе работы над «Набегом» начало определяться отношение Толстого к войне как явлению, порожденному «гадкими людьми», не умеющими ценить «этот прекрасный свет». В «Хаджи-Мурате» оно проявилось с суровостью и беспощадностью зрелого мастера.

Толстой в небольшой по объему повести представил с разной степенью детализации десятки персонажей. Николай I, его любовницы, министры и женщины из чеченского аула, командующие, простые русские солдаты и чеченские дети, мюриды и казаки, Шамиль, его жены и царские офицеры с их женщинами. И, наконец, сам Хаджи-Мурат и наместник Воронцов как два полярных начала. Толстой вскрывает мотивацию участия в войне русских солдат и офицеров – рекрутов, вынужденно участвующих в боине и не знающих иной жизни, солдата, отправившегося на военную службу за брата, офицеров, делающих на Кавказе стремительную карьеру или спасающихся на Кавказе от картонных долгов, тех из них, кому кажется, что они воюют во славу России, высших командующих, которым представляется, что они по праву вершат судьбы народов. Кто-то боится смерти, кто-то куражится, кто-то идет в бой с бравадой, кто-то мечтает дослужить до отставки и вернуться домой, кто-то пьет горькую, чтобы забыться. И кавказские горцы, для которых мотивация в войне – не просто ненависть, а нечто большее. Они спасают свой мир, свой уклад, столь ярко, скупое и одновременно поэтически описанный Толстым. Два полюса, схватившихся в смертельной схватке.

Хаджи-Мурат выражает столкновение миров послонидей, возникшей века назад: «У нас пословица есть, – сказал он переводчику, – угостила собака ишак мясом, а ишак собаку сеном, – оба голодные остались. – Он улыбнулся. – Всякому народу свой обычай хорош».

Напрашивается мысль – оставили бы друг друга в покое, не «угощали» бы несъедобной для противника пищей, ан нет, сплелись в попытке создать единое целое.

Одна из центральных сцен – встреча Хаджи-Мурата с Воронцовым, в которой непримиримость позиций, на момент пытающихся найти согласие для взаимной выгоды, описана с толстовским «срыванием масок». Ибо оба персонажа в масках, и оба эти маски прекрасно ощущают: «Глаза этих двух людей, встретившись, говорили друг другу многое, невыразимое словами, и уж совсем не то, что говорил переводчик. Они прямо, без слов, высказывали друг о друге всю истину: глаза Воронцова говорили, что он не верит ни одному слову из всего того, что говорил Хаджи-Мурат, что он знает, что он – враг всему русскому, всегда останется таким

и теперь покоряется только потому, что принужден к этому. И Хаджи-Мурат понимал это и все-таки уверял в своей преданности. Глаза же Хаджи-Мурата говорили, что старику этому надо бы думать о смерти, а не о войне, но что он хоть и стар, но хитер, и надо быть осторожным с ним. И Воронцов понимал это и все-таки говорил Хаджи-Мурату то, что считал нужным для успеха войны».

В этой внутренней схватке, одной из самых ярких в литературе, душа Толстого отдана не Воронцову. Писатель четко определяет, что Воронцов образованный и умный политик, который жизнь свою посвятил карьере, то есть неестественному, по мысли гения, а Хаджи-Мурат отчаянно пытается спасти свою семью. По иерархии ценностей Толстого жизнь, любовь к близким, свобода занимают верховное место, а политические интересы и интриги – последнее. Толстой – великий патриот России, но Воронцова и министров императора он не считает выразителями России. Уже старый Толстой смотрит на мир глазами ребенка, стремящегося к гармонии, и мир горцев – таинственный и часто жестокий – привлекает его своей, может, и непостижимой гармонией.

Пожалуй, ни один русский автор так глубинно не проник в непримиримость сознания, целей и задач русской армии и кавказских горцев. И, возможно, ни один с поистине жесткой, а не жестокой мужской силой не представил героев из двух вражеских станов. Толстой считает два мира непересекающимися, но равнозначными по значению, что также редко дано писателю, принадлежащему одному из этих миров.

И все же в антиномии национальных миров имеется выход к общечеловеческому, что для Толстого первостепенно.

Когда Хаджи-Мурат, осознав, что он чужой и для своих и для русских, которым обещал верно служить ради спасения семьи, решается на бегство, он дорого отдает свою жизнь в отчаянном бою, и ясно, что никаких истинных связей с врагами быть не может. Толстой в кровавом исходе трагедии дал нам услышать и иное, попытку понять беглеца, а если не понять, то посмертно защитить. Знаменательно, что она «поручена» писателем именно женщине, которая поднялась выше ненависти в своем простом бабьем понимании – война есть война, но таскать в мешке и показывать с победным ажиотажем голову убитого врага – это уже запредельное варварство.

Казак привез свою страшную ношу, и каждый из солдат и офицеров обсуждал ее, правда, раздавались голоса о том, что Хаджи-Мурат молодцом умер, но любопытство оказалось выше. Лишь та же Марья Дмитриевна, при первой же встрече прочувствовавшая трагедию убитого, отвернувшись от дикого зрелища, произнесла:

– Все вы живорезы. Терпеть не могу...

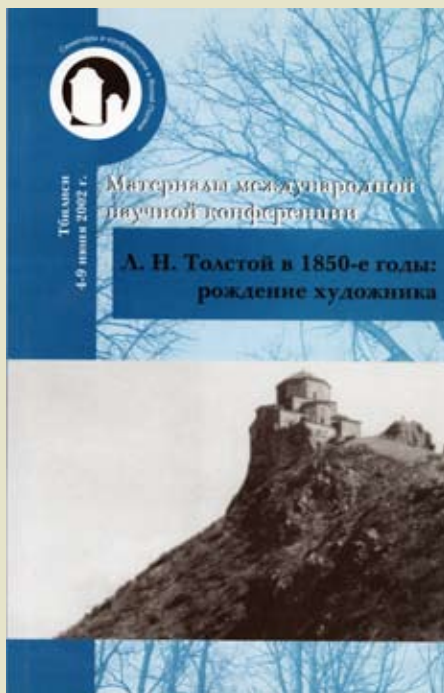
– То же со всеми может быть, – сказал Бутлер, не зная, что говорить. – На то война.

– Война! – вскрикнула Марья Дмитриевна. – Какая война? Живорезы, вот и все. Мертвое тело земле предать надо, а они зубоскалят. Живорезы, право».

Таков приговор Толстого этой истории, которую ему напомнил «раздавленный репей среди вспаханного поля». Радостная весенняя природа и по конт-

Участники конференции во Мухета. 2002

расту черное вспаханное поле, на котором человек уничтожил всю растительность для своих нужд, обрамляют повествование. И не может репей, «татарин» жить по тем же законам, что и окружающий его «прелестный подбор цветов этого времени года»... У всего свое право на существование и свои законы.

Не принято проводить прямых аналогий, но кто возразит против пронзительной актуальности толстовской философии сегодня?

Именно Кавказ, Грузия со всеми их неразрешимыми внутренними проблемами вызвали еще у молодого писателя творческий подъем: «Я нахожу, что во мне произошла большая нравственная перемена... Моя мысль, непродуманное мое решение ехать на Кавказ было мне внушено свыше. Мной руководила рука божья – и я горячо благодарю

его, – я чувствую, что здесь я стал лучше (этого мало, так я был плох)» (из письма от 12 января 1852 года).

... Через много лет после отъезда писателя из Грузии устанавливаются его тесные связи с грузинской интеллигенцией. Среди его близких грузин были Г. Дадияни, С. Эсадзе, М. Кипиани и другие. Связи были многомерны и не ограничились интересом к войне, хотя именно война была катализатором всех чувств – любви, ненависти, она определяла жизненную позицию, все ценности и самую цену жизни.

Реальной основой, помимо общности многих взглядов, стала ситуация с кавказскими духоборами. Сбор средств в их помощь поддержали грузинские общественные деятели, особенно публицист и переводчик Илья Накашидзе и его сестра Елена, которая была вынуждена покинуть Грузию, спасаясь от ареста. Духоборы проповедовали пацифизм, власти придали движению политическое звучание, и Толстой сблизился с грузинским литератором именно в связи с общим взглядом на вопрос. В августе 1896 года Накашидзе впервые прибыл в Ясную Поляну и привез Льву Николаевичу обращение грузинской молодежи, составленное Арчилем Джорджадзе. Позже из писем Накашидзе Толстой узнал о волнениях гурийских крестьян. Толстой живо прореагировал на события. В его дневнике за 1905 год читаем: «Удивительные сведения из Гурии, как они упразднили правительство и освободились, одновременно стали вести лучшую жизнь и стали свободными. Записать надо очень важное, не знаю, осилю ли».

Русский гений интересовался Грузией и реагировал на различные факты и обращения к нему, порой удивительные. Так, он в духе своей позиции об общественной пользе ответил

«тифлисским барышням» на их обращение за советом – что делать, как полезнее употребить свои знания. В другой раз, в 1903 году, Толстой записал в дневнике впечатления о книге грузинского студента Бориса Гегидзе «В университете», причем, сочувственно отнесся к его душевным метаниям, видимо, почувствовав их искренность: «Бедный юноша мечется, отыскивая достойную цель жизни, и, естественно, бедное, заблудшее существо останавливается на женской любви, наивно воображая, что в этой любви – главное, высшее назначение человека». Писатель уверен в заблуждении юноши, но учтем, что это уже поздний Толстой, создавший, возможно, самое спорное свое произведение – «Крейцерову сонату».

Точек пересечения во взглядах великого мастера и ведущих деятелей грузинской культуры было немало. Удивительным образом возник заочный диалог Толстого и Ильи Чавчавадзе. Грузинский писатель ратовал за отмену смертной казни. Известны его страстные выступления против насилия, узаконенного обществом. Толстой в ту же пору проповедовал идею непротивления злу насилием. И когда совершилось злодеяние, убийство самого отца грузинского народа, Толстой отметил как необыкновенное явление ходатайство вдовы И.Чавчавадзе Ольги о помиловании участников зверского преступления.

Грузия постоянно оставалась в поле зрения писателя, и деятели грузинской культуры восприняли кончину Толстого как личную утрату.

«... трудно найти такого сознательного и бесстрашного борца, каким был Тостой на протяжении всей своей жизни... Он проповедовал «единство, равенство и любовь», он боролся против угнетения слабого сильным, против поглощения малого большим. А сколько мелких, смешных предрассудков и порядков высмеял и разоблачил он! Вот чем привлек он сердца угнетенных и завоевал сторонников и последователей не только в России, но и в Европе и в Америке. Он был для мира подлинным провозвестником и апостолом будущего. Так надо ли удивляться тому, что и грузины сегодня искренне оплакивают его?», – написал в 1910 году Акакий Церетели.

Второй из живых тогда грузинских гениев, Важа Пшавела, написал стихотворение «На смерть Льва Толстого»:

Одна ль Россия? – мир огромный
Лишился мудрого отца,
Пролившего на наши души
Сиянье своего венца.
... Чтоб в императорской России
Усвоили его завет!
Возрадуется светлый старец,
Оставивший великий след,
След нестираемый, глубокий
Для нас на много, много лет.

Перевод Г.Цагарели.

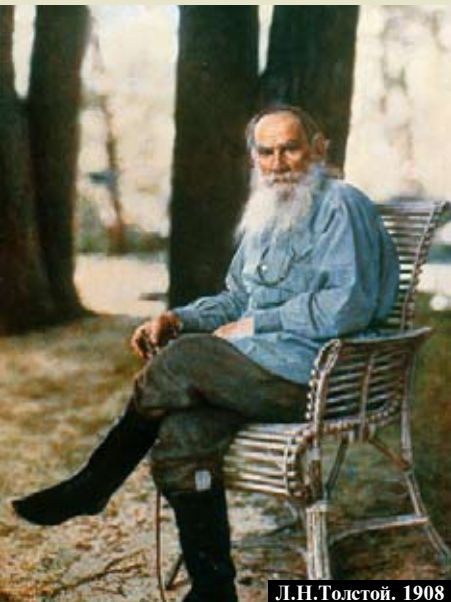
Сегодня, в критические для отношений наших двух стран времена, раздаются голоса, что связи не были столь глубокими, столь естественными, как было принято считать до того, когда их растоптали политические конфликты. Послушаем же классиков, ибо если их авторитет не является авторитетным, то перспективы на будущее становятся сомнительными.

Мы отмечаем дату рождения гения, поэтому отвлекаемся от откликов на его смерть и обратимся к словам Толстого, записанным в 1910 году и звучащим пророчески:

«Ради Бога, хоть не Бога, но ради самих себя опомнитесь. Поймите все безумие своей жизни. Хоть на часок отрешитесь от тех мелочей, которыми вы заняты и которые кажутся вам такими важными: все ваши миллионы, грабежи, приготовления к убийствам, ваши парламенты, науки, церкви. Хоть на часок оторвитесь от всего этого и взгляните на свою жизнь, главное на себя, на свою душу, которая живет такой неопределенный, короткий срок в этом теле, опомнитесь, взгляните на себя и на жизнь вокруг себя и поймете все свое безумие и ужаснитесь на него. Ужаснитесь и поищите спасения от него».

Эти слова Учитель записал незадолго до смерти. Они отделены от нас не 180 годами, как рождение Толстого, а неполными ста годами – запись сделана в 1910-м. Срок, тем не менее, солидный, но вряд ли мы найдем более сильный и актуальный призыв, в котором представлен наш нынешний момент. Наивно надеяться на то, что Толстой может помочь одуматься, столь старательно человечество нагрешило и столь мощные силы направлены на сегодняшнее разрушение душ, отношений между народами, связи поколений. Но будем надеяться, что они могут заставить задуматься. Если те, кому это надо, прочтут их...

Мария ФИЛИНА

«УМ И ДЕЛА ТВОИ БЕССМЕРТНЫ...»

ДНИ ГРИБОЕДОВА В ГРУЗИИ

4 ноября - день рождения Нины Чавчавадзе. Представители общественности собрались у мемориала великого русского драматурга и дипломата Александра Грибоедова и его супруги, княжны Нины Чавчавадзе, в Пантеоне грузинских писателей и общественных деятелей на Мтацминда.

Панихиду по душам Нины и убиенного Александра отслужил от имени Патриархии Грузии священник Боржомско-Бакурианской епархии Сергей Ломидзе. По окончании отец Сергей вознес молитву о приумножении того духовного вклада, который даровали человечеству своей деятельностью, любовью и верностью супруги Грибоедовы. Венок возложили председатель «Союза обществ взаимоотношений Грузии с Россией» Нана Цителашвили, председатель Союза писателей Грузии Маквала Гонашвили и президент Ассоциации русскоязычных литераторов и деятелей культуры Грузии «Новый современник» Владимир Саришвили.

Так в Тбилиси начались Дни Грибоедова, которые второй год организывает Нана Цителашвили при поддержке мэрии Москвы и при участии Союза писателей Грузии и «Нового современника».

В нынешнем году, в силу известных причин, московские гости не смогли приехать. Второй день программы проводился в Цинандали, в родовом имении князей Чавчавадзе, где состоялась импровизированная часть юбилейной церемонии на открытом воздухе.

«Очень трудно предать забвению случившееся два месяца назад. Но путь к сближению народов, между которыми пролегла черная тень войны, лежит через восстановление культурных связей, и мы по мере сил должны способствовать этому», – сказала, открывая собрание, Нана Цителашвили.

«В Грузии нет места для войны, здесь негде вернуться танкам, чтобы не повредить благодатную божественную красоту. Мы дышим воздухом «Аллеи любви» Александра и Нины, и давайте дадим себе слово не сходить с этого пути единения душ двух православных народов», – поддержал коллегу заместитель председателя Союза писателей Грузии Реваз Мишвеладзе.

Дни Грибоедова в Грузии завершились большим концертом в Доме работников культуры, в котором приняли участие и стар, и млад – от дошкольников до хора старейшин Ассоциации «Чохосани» («Носящие чоху»). Публике, заполнившей зал, были показаны фрагменты художественно-документального фильма «Грузинская ночь» Георгия Ермакова – о трагедии бессмертной любви Александра Грибоедова и Нины Чавчавадзе.

Давид НОРАКИДЗЕ

Музей-усадьба А. Чавчавадзе в Цинандали. Участники встречи Дни Грибоедова в Грузии

В Пантеоне на Мтацминда

Усыпальница супругов Грибоедовых

НАЙДЕННОЕ ВРЕМЯ

Пастернак и Грузия

Полвека назад Борису Пастернаку присудили Нобелевскую премию за роман «Доктор Живаго», с учетом всего творчества (в основном, за лирику). Все мы живо помним ту яростную шумиху, которую советская идеологическая машина подняла вокруг имени Пастернака; поэт, гордость отечественной поэзии, подвергся ничем не оправданному гонению – его исключили из Союза писателей и едва не выслали за пределы родины. Чтобы отвести душу и передохнуть, в феврале 1959 года он почти тайно приезжает в Тбилиси и останавливается у вдовы своего репрессированного друга поэта Тициана Табидзе, Нины Макашвили, и с осторожностью навещает друзей.

Дочь музы Пастернака Ольги Ивинской, Ирина Емельянова, сама талантливый литератор, проживающая и плодотворно работающая в Париже, очень хотела отметить эту памятную дату в столь любимом Пастернаком городе Тбилиси (сам поэт его всегда называл Тифлисом).

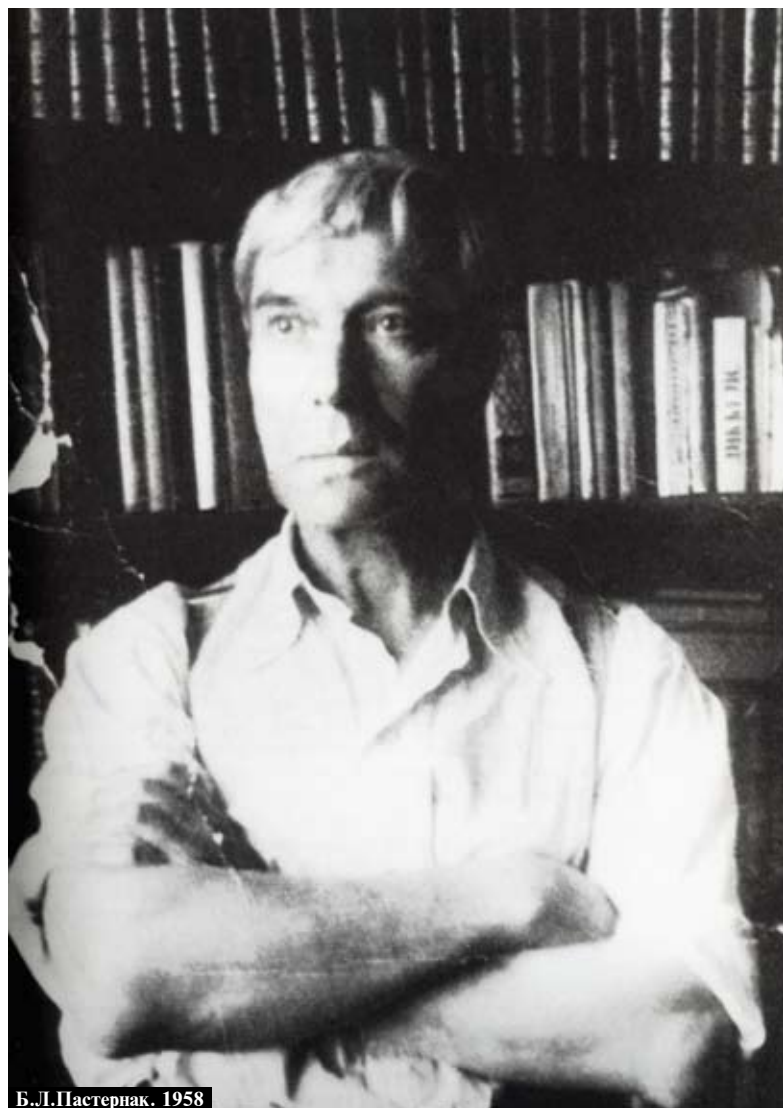
И вот 4 ноября в Институте грузинской литературы им. Шота Руставели Ирина Емельянова прочла весьма содержательную лекцию «Пастернак и Грузия», вызвавшую большой интерес литературной общественности.

Лекцию открыла вступительным словом директор института, доктор филологических наук, профессор Ирма Ратиани. Она говорила о том огромном вкладе, который своими блистательными переводами внес Борис Пастернак в благородное дело популяризации грузинской поэзии. Она высказала искреннее пожелание, чтобы, несмотря на нынешний неблагоприятный политический климат и напряженное состояние, многовековая культурная связь между Россией и Грузией, твердую основу которой заложили целые поколения, и впредь продолжалась, неуклонно крепилась и развивалась.

В своем выступлении я вспомнил дружбу с великолепным поэтом, редким эрудитом, эссеистом и переводчиком, безвременно погибшем муже Ирины Емельяновой, с Вадимом Козовым, с которым меня и моих товарищей познакомил наш незабвенный учитель, крупный ученый филолог Акакий Гацерелия. После своей эмоциональной, проникнутой любовью к наследию Пастернака и Грузии лекции Ирина Емельянова ответила на вопросы поклонников наследия Бориса Леонидовича. В заключение был показан документальный фильм, в котором близкие родственники и друзья поэта с большим проникновением, восторженно вспоминают великого современника. Фильм содержит редчайшие снятые самой Ириной Емельяновой кадры. Мы увидели живого Пастернака, все отдавшего людям.

Предлагаем читателям текст лекции нашей уважаемой гостьи, эксклюзивно предоставленной ею «Русскому клубу».

Эмзар КВИТАИШВИЛИ

Б.Л.Пастернак. 1958

В наше время, когда русская культура (само ее существование) подвергается тяжелейшему испытанию, те, кому она еще нужна, все чаще обращаются к Пастернаку (о чем говорят огромные тиражи его книг и книг о нем в России). Людям необходим «укол счастья» (Д. Быков), «глоток кислорода» (Мандельштам). «Его стихи прочитать, как горло прочистить», «Такие стихи целебны при туберкулезе» (Мандельштам). «Принимайте по утрам по пять капель Пастернака!» (Надежда Синякова). Но для меня это не только «глоток кислорода», пример жизнелюбия, благодарности «божьему миру», Творцу, но и великий урок противостояния. Как суметь сохранить себя, свой гениальный дар, свою «бессмертную душу» (как говорил Пьер Безухов в «Войне и мире») в растленном и бесчеловечном государстве. Какие силы помогли ему устоять до конца? Среди этих сил я, нисколько не лицемеря, могу назвать Грузию.

Пастернак и Грузия – неисчерпаемая тема. Один аспект – биографический: в трудные минуты его личной жизни Грузия была для него (буквально) – пристанищем, крышей над головой, вторым (и более гостеприимным, чем родной) домом. Другой аспект – метафорический, символический – то, что воплощала для него Грузия, «грузинский гений», стало этапом в его эволюции как поэта, помогло «Второму рождению»,

вывело из творческого кризиса 30-го года. Ведь именно у Грузии он спрашивал: «Что шепчешь ты, что мне подсказываешь./ Кавказ, Кавказ, о, что мне делать!» И на то время ответ был получен.

В очерке «Люди и положения», написанном незадолго до смерти, есть глава, посвященная грузинским друзьям. «Стоит дом в Коджорах, на углу дорожного поворота. Дорога поднимается вдоль его фасада, а потом, обогнув дом, идет мимо его задней стены. Всех идущих и едущих видно из дома дважды». Дважды... Мне видится в этих простых строчках глубокий смысл. Многие вещи повторялись в его жизни дважды. Так, сам очерк «Люди и положения» – повторение «Охранной грамоты», своей строгой и скорбной интонацией корректирующий романтический «захлеб» первой автобиографии. И хотя Пастернак был в Грузии 4 раза, я хочу поговорить о его двух встречах с этой страной, первой и последней, так сказать «знаковых», между которыми пролегла целая жизнь, страшное лихолетье – 1931 и 1959 годы. Этой последней встрече я была, если не участником, то свидетелем, свидетелем тех обстоятельств, той травмы (в этом году минует ровно 50 лет с этих дней), вынудивших его опять искать убежища на своей «второй родине».

Инициация, «посвящение» в «грузинский орден», началось у Пастернака с обожания Лермонтова. «Лермонтов оказал на меня такое же влияние, как Евангелие или пророки», – писал он в одном из писем. «Сестра моя жизнь» посвящена Лермонтову, а первое стихотворение этой книги называется «Памяти Демона». Лермонтовский Демон, который «пролетал над вершинами Кавказа» (помноженный на образ картины Врубеля, чем-то (взглядом, поворотом головы) так похожий на молодого Пастернака! (Завороженность Лермонтова, как и других русских поэтов, Кавказом, мне кажется, была не только данью романтизму XIX века, и обязана не только имперским победным настроениям русского офицерства, а объясняется чем-то более глубоким, мистическим: тягой равнины, плоскости, степи к вертикали, высоте, земли – к небу. Об этом пишет, например, Маканин в хорошем рассказе «Кавказский пленный»).

Вот это стихотворение, я его процитирую полностью: «Приходил по ночам/ В синеве ледника от Тамары,/ Парой крыл намечал, / Где гудеть, где кончаться кошмару./ Не рыдал, не сплетал/ Оголенных, исхлестанных, в шрамах./ Уцелела плита/ За оградой грузинского храма./ Как горбунья дурна,/ Под решеткою тень не кривлялась,/ У лампы зурна,/ Чуть дыша, о княжне не справлялась./ Но сверканье рвалось,/ В волосах, и как фосфор, трещали./ И не слышал колосс,/ Как седеет Кавказ за печалью./ От окна на аршин,/ Пробирая шерстинки бурнуса,/ Клялся льдами вершин:/ Спи, подруга, лавиной вернуса».

Известно, что Тициан Табидзе при первой встрече сказал Пастернаку: «Не верю, что вы никогда не были в Грузии. Человек, написавший «в синеве ледника от Тамары», должен был это видеть». Это было сказано в 1931 году, когда Пастернак приехал в Грузию первый раз. Удивительно, что сегодня, почти через сто лет, это стихотворение, эта развернутая непростая метафора, «ложится» на ситуацию несчастной страны. По-прежнему «седеет Кавказ за печалью», но, слава богу, «уцелела плита...» А поэт, исполняя обещанное, вернулся в Грузию «лавиной» своих стихов.

Первый раз (первый поворот дороги в Коджорах) Пастернак приехал в Грузию 14 июля 1931 года. 1930-31 годы – годы его глубочайшего кризиса. Идеологическое удушье, грызня в РАППе, раскаты приближающегося террора. «Охранная грамота» заканчивается словами: «Значит, это не рождение? Значит, это смерть?» Он пишет сестре Лидии о своем конце, либо полном физическом, либо частичном, и естественном, либо же, наконец, «невольно-условном» (наверное, подразумевая уход из литературы). Самоубийство Маяковского, гибель в чекистских подвалах друзей (расстрелян В. Силлов), депрессия и деградация интеллигенции. К этому времени (зима 1932 года) относится его единственная реальная попытка самоубийства. В личной жизни тоже полное смятение – мучительный уход из семьи, бездомность, муки совести, и вспыхнувшая страсть к красавице, жене друга ЗН Нейгауз. Вы все знаете историю этой любви, этого рокового треугольника, любви, которая дала ему второе дыхание, которой мы обязаны новым взлетом его поэтического гения. Можно сказать, что любовь к ЗН спасла его от гибели, дала силы на новую попытку «труда со всеми сообща и заодно с правопорядком», как напишет он в знаменитых «Стансах». ЗН вернула ему веру в возможность личного счастья. Грузия вернула ему веру в человека.

Паоло Яшвили, замечательный поэт, «голуборожец», «образованный, занимательный собеседник, европеец, красавец» (так Пастернак напишет о нем в очерке «Люди и положения») был влюблен в поэзию Пастернака и пришел на Волхонку зимой 1930 года, чтобы лично познакомиться с ним. Он пригласил Пастернака приехать в Грузию, где его знают и любят. О поразившей его встрече с поэтом Яшвили, вернувшись в Тбилиси, рассказал друзьям, Тициану Табидзе, Габриндашвили, Каладзе, Надирадзе, Леонидзе, Жгенти. Последовало уже письменное приглашение, подспевшее как нельзя кстати. И 14 июля 1931

Б.Л.Пастернак читает телеграмму о присуждении ему Нобелевской премии.
Слева - Н.А.Табидзе, справа - З.Н.Пастернак

года Пастернак с ЗН и ее старшим сыном, когда, как он напишет впоследствии «мне и моей спутнице негде было преклонить голову», выехали в Тбилиси. В день приезда «на Пастернака» в доме Яшвили создали гостей. «Как сейчас вижу эту комнату. Да и как бы я ее забыл? Я тогда же, в тот же вечер, не ведая, какие ужасы ее ждут, осторожно, чтобы она не разбилась, опустил ее на дно души вместе со всем тем страшным, что потом в ней и близ нее произошло». Оба поэта, Яшвили и Табидзе, стали «составною частью моего личного мира». Составной частью его личного мира стала тогда и страна, какою он ее увидел в первый приезд.

«Здесь реял дух земли, остановивший время...» (В письме к Паоло Яшвили он скажет об этом же другими словами: «... страна, удивительным образом не испытывавшая перерыва в своем существовании, страна, еще и теперь оставшаяся на земле и не унесенная в сферу абстракции, как бы велики ни были ее нынешние лишения».)

«Этот город со всеми, кого я в нем видел, и со всем тем, за чем я из него ездил и что привозил, будет для меня тем же, чем Шопен, Скрябин, Марбург, Венеция и Рильке, одной из глав «Охранной грамоты», – пишет он в письме грузинским друзьям. Характерно, что это письмо написано из России, с Урала, где он был в писательской командировке. «Надо было сперва попасть сюда, в этот организм без духовных отправлений, чтобы все понять, и в тоске по русской культуре вспомнить с благодарностью Тифлис и затосковать по нем именно этой тоской» (из того же письма). Мы знаем, как Пастернак любил Россию, но это была любовь не с закрытыми глазами, не через розовые очки, и сколько же надо было передумать и перестрадать о своей родине, чтобы благодарить Тифлис за возвращенную любовь к русской культуре!

Грузия вернула ему веру в здоровое человеческое начало, способное противостоять растлению. Широко известно его стихотворение из цикла «Волны»: «Мы были в Грузии. Помножим/ Нужду на нежность, ад на рай,/ Теплицу льдам возьмем подножьем,/ И мы получим этот край./ И мы поймем, в сколь тонких дозах/ С землей и небом входят в смесь/ Успех и труд, и долг, и воздух,/ Чтоб вышел человек, как здесь./ Чтобы, сложившись средь бескормиц,/ И поражений, и неволь,/ Он стал образчиком, оформясь,/ Во что-то прочное, как соль».

Ответ на мучительный вопрос: «Кавказ, Кавказ, о что мне делать?» – был получен. Успех и труд, и долг, и воздух – заложены в природе человека. Они не исчезли под молотом страшной власти. Надо продолжать жить и работать, принимая жизнь в тех формах, которые сложились в твое время, пусть даже прини-

мать «как упряжь/ тех ради будущих безумств, /что ты как стих меня зазубришь,/ как быть, запомнишь наизусть». (Это из тех же «Волн», вошедших в книгу «Второе рождение»). Итак, «будем верить, жить и ждать»: (из тех же «Волн»)

«Столетье с лишним – не вчера,/ А сила прежняя в соблазне/ В надежде славы и добра/ Смотреть на вещи без боязни./.../Итак, вперед, не трепеща (Он как бы подталкивает себя, уговаривает)/ И утешаясь параллелью...» (имеется в виду параллель с Пушкинскими надеждами в начале Николаевского правления).

На некоторое время он поддался соблазну и «взглянул на вещи без боязни». Восхищение страной (Грузией), где он увидел образчик человека, «прочно-

Ольга Ивинская и Борис Пастернак. 1957

го, как соль» сплетается в книге «Второе рождение» с темой любви к прекрасной женщине, ЗН Нейгауз. Ее «счастливая простота», «без извилин», безоговорочное принятие существующего порядка вещей, советского режима, явилось той второй силой, которая помогла ему выйти из кризиса, написать книгу, которую можно назвать гимном жизни – «Второе рождение». «Я стал частицей своего времени и государства, его интересы стали моими» – так пишет он об этом переломе родителям. ЗН была до мозга костей советским человеком, именно она со своей «простотой» нужна была ему в тот период – ведь он менял лирическую героиню, когда менялся сам. «Женившись на ЗН, – пишет Быков в своей книге, – он как бы женился на советской власти».

Однако попытка «жить времени в тон» (какое счастье для нас, читателей, что она была!) осталась только попыткой, надежды – только надеждами. И когда сейчас, в обратной перспективе, зная уже, как сложилась его дальнейшая жизнь, перечитываешь «Волны» и стихи о Грузии, нельзя не заметить, что за

потрясающими описаниями кавказских красот, грозно звучит другая тема – тревоги. Будущее тревожно, мрачно. Волны «шумят в миноре», их много, им немислим счет». «Горшком отравленного блюда/ внутри дымился Дагестан». «Там кости круч и облака/ торчат как палки катафалка/ и смотрят в клетку рудника». «Кавказ был весь как на ладони/ и весь как смятая постель». «Как обезглавленных гортани/ заносят яблоки адамовы/ казенных замков очертанья». «Каждый спуск и подъем что-то чуял,/ каждый столб вспоминал про разбой». «А вдали, где, как змеи на яйцах, тучи в кольца свивались...» (Тифлис воспринимается среди этой грозной и тревожной красоты как чудо – «Он возник и остался химерой, /точно град не от мира сего. Точно там, откупаясь данью,/ длился век, когда жизнь замерла...»). «Растет и крепнет ветра натиск...» Пейзаж неспокоен, в нем – угроза, но поэт еще надеется сговориться с режимом, еще верит в «наш день, в наш генеральный план!» Лишь бы он был не владычеством мертвой буквы, а, пусть грозным, но таким же величественным, как Кавказ. «Передо мною днем и ночью/ шагала бы его пята,/ он мял бы дождь моих пророчеств/ подошвой своего хребта». Он даже согласен быть раздавленным, лишь бы сила, его размявшая, была природна и могуча, как Кавказ, а не как руки чекистских палачей. И, казалось, что сделанный им выбор был верным. После разгрома РАППА, этого идеологического жандарма, наступило некоторое потепление, писатели вздохнули свободней. К этому времени относятся триумфальные выступления Пастернака с чтением своих стихов в Москве и Ленинграде, когда переполненный зал подсказывал ему забытые строчки, у выхода окружала восторженная толпа, студенты разрывали на куски оброненный им из кармана платок (Мама рассказывала, что ей тоже однажды удалось унести с собой маленький кусочек).

Во «Втором рождении», как и вообще во всей поэзии Пастернака, много стихов о сне. Оставшаяся прекрасным сном Грузия, сны в Ирпене, когда «на даче спят два сына...» В этой книге он хочет убаюкать себя – красотой страны, где недавно побывал, уютом созданного ЗН очага. «Спи, будь. Спи жизни ночью длинной./ Усни баллада, спи, былина,/ как только в раннем детстве спят». Но на то и был дан ему великий дар и та «сырая русская совесть», о которой он замечательно писал, чтобы не дать себе уйти в сон. Как писал его любимый Блок: «Проснись, поэт, забудь красивые уюты./ Нет, лучше сгнуться в стуже лютой./ Уюта нет. Покоя нет». И соблазн Пастернака заканчивается пробуждением: «Я пробудился. Я объят/ Открывшимся. Я на учете./ Я на земле, где вы живете,/ И ваши тополя шумят».

Пролог трагедии заканчивался. В театре Террора начинался первый акт.

Влюбленный в Грузию, движимый всегда ему присущим, «пушкинским» культом дружбы, Пастернак хочет отблагодарить свою «вторую родину» и берется за перевод грузинской лирики. Его переводы печатаются сначала в газетах (даже в «Правде») и журналах, а в 1935 году выходят отдельной книгой (в обложке по рисунку Гудиашвили?) Есть мнения, что это слабая книга.

Ну, во-первых, Пастернак не знал грузинского языка. (Помню, как образец пленительного созвучия, он

повторял – «каламис цвери...») У него было понятие об азбуке, о грамматике, он мог даже произнести тост по-грузински, что-то прочесть. Но настоящего чувства языка, его «гения», как было с его знанием европейских языков, у него быть не могло. И получился, как пишут ядовитые критики, просто «плохо переваренный Пастернак». Кроме того, он невероятно много работал в эти месяцы, переводя по 300 строчек в день, и следы этой скорописи видны в книге. А главное, наверное, разница в самом поэтическом методе – у прекрасных грузинских поэтов ассоциативный ряд все-таки традиционно линейен, тогда как у Пастернака он всегда спонтанен, взрывчат, непредсказуем. Он писал о своих переводах, что это «поделки», хотя там

Ирина Емельянова. Париж, 1990

есть несомненные шедевры, вошедшие в сокровищницу русской поэзии («Мерани» и «Синий цвет» Бараташвили, книга его переводов вышла после войны, в 1946 году.) Тем не менее, он широко читал своих «Грузинских лириков» на вечерах, а в декабре 1935 года послал эту книгу Сталину с известным письмом, в котором, в частности, писал: «... это работа слабая и несамостоятельная, честь и заслуга всецело принадлежит самим авторам, в значительной части замечательным поэтам...»

Еще раз о «плохо переваренном Пастернаке». Не-

сомненные шедевры среди его грузинских переводов окупают просчеты, «поделки» – он всегда был слишком строг к себе. (В 1981 году наша семья передала в Музей дружбы народов Грузии часть хранившегося у нас архива Пастернака, в том числе папку с надписью «Наши грузины», где находились переводы и БЛ, и моей мамы ОВ Ивинской. Не знаю, все ли они опубликованы. Осуществлявший эту продажу мой муж, замечательный поэт Вадим Козовой, беззаветно любящий Грузию и оцененный в этой стране, переписал тогда для себя некоторые особенно понравившиеся ему тексты. А он-то был великий знаток поэзии! Вот что он пишет о стихах Тициана Табидзе в переводе Пастернака, об одной такой «поделке»: «Бесподобное, головокружительное дыхание! Мурашки по телу бегут, а из глаз самые невольные слезы. Бедный, бедный Тициан – и какая палаческая нечисть!»)

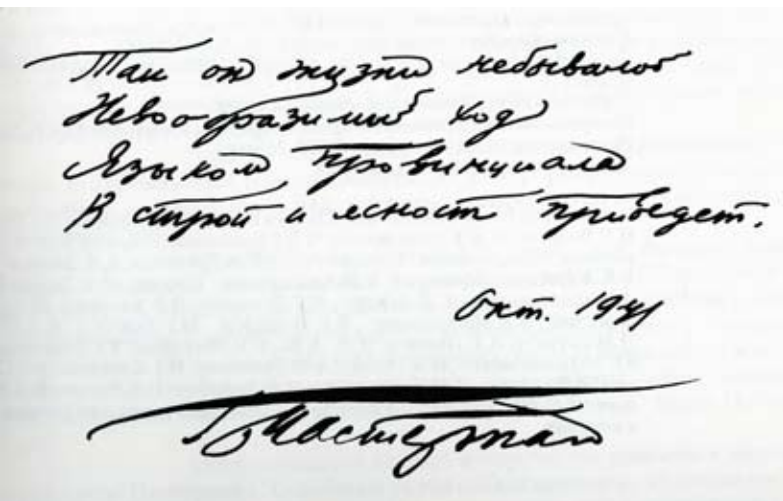
Вот эти восхитившие его строчки: «В воде ловили цапли рыбу,/ А волки резали телят,/ Я людям говорю спасибо,/ Которые нас возродят./ Я лить не стану слез горячих/ О рышущих нетопырях./ Я реющих мышей летучих/ Не вспомню, побори их прах».

Я привезла эти переписанные Вадимом странички и хочу подарить их тем, кто любит поэзию.)

В 1936 году бытовая жизнь Пастернака налажива-

(Мне тоже посчастливилось подружиться с членами этой замечательной семьи.) Второй цикл – «Из летних записок» носит посвящение – «Друзьям в Тифлисе». Это стихи – воспоминания, блистательные наброски бытовых сцен, мощные мазки пейзажей, гимн трудолюбию (тема народа в этом цикле вообще преобладает и звучит несколько нарочито, как вызов): «Там реял дух земли,/ остановивший время». Но главное, это – книга прощания с друзьями. С Паоло Яшвили: «В те дни вы были всем,/ что я любил и видел». С Тицианом Табидзе: « Он строг, как барельеф,/ и чист, как самородок». В последнем стихотворении цикла, отдавая дань «восточности», он сравнивает Грузию с розой, а о своей любви к розе говорит оборотом почти восточного тоста, то есть речи, которая требует отклика, возражения: « Дивясь, как высь жутка,/ а Терек дик и мутен,/ за пазуху цветка/ и я вползал, как трутень». «За пазуху...» Скрыться, спрятаться, уйти в сон, в красоту, в искусство, остаться на пире, где правит дружба.

Но на пороге был 1937 год. Крылья «рышущих нетопырей» накрывали страну. «Именно в 1936 году, – вспоминал он через 20 лет, – когда начались эти страшные процессы, все сломилось во мне, и единение со временем перешло в сопротивление ему, которого я не скрывал».

ется, появляется квартира в Лаврушинском переулке, строится дача в писательском поселке Переделкино. Тогдашнее Переделкино представляло собой красивый уголок русского пейзажа, с остатками имения Самарина, прудом, родниками и старым сосновым бором. Пастернак в одиночестве проводит на строящейся даче лето 1936 года и, как бы получив заряд от красоты этой природы, возвращается к прошлому, к любимой и издалека особенно прекрасной Грузии. Он пишет цикл «Художник», один из самых своих исповедальных. В нем есть стихотворение, посвященное Георгию Леонидзе, которого Пастернак считал наиболее связанным с тайнами языка, и поэтому труднее всего поддающимся переводу. «Скромный дом, но рюмка рому/ и набросков черный гог...», – пишет он о посещении дома Леонидзе зимой 1933 года, когда он восхищался «искрой детскости» поэта, «пробегающей сквозь его руки и рукописи...» «Дорогой и великий друг мой!» – так обращался он к Леонидзе.

А вот и второй поворот дороги в Коджорах, почти через тридцать лет, когда он в последний раз видит любимую страну и тени своих грузинских друзей. «Судьба обоих (речь идет о Табидзе и Яшвили) вместе с судьбой Цветаевой должна была стать самым большим моим горем». К этим трем именам можно прибавить немало других, целый мартиролог, составившийся за 30 лет террора. Кто не знает, как помогал Пастернак (и письмами, и деньгами, как каторжный, работая над переводами) семьям погибших друзей. Никогда он не забывал и о Грузии, и приезжавшие оттуда всегда находили открытыми двери его переделкинского дома. И вот за год до смерти, в один из тяжелейших моментов той охоты, которую устроила на него советская власть (генеральный прокурор Руденко угрожал ему арестом по статье «измена родине») в феврале 1959 года он уезжает в Тифлис, буквально ищет там спасения. Конечно, это была уже совершенно другая поездка. « Я хожу по Тифлису не так, как ходил по нему в прошлые свои наезды...», — писал он Ивинской, моей маме, а писал каждый день. — «Я приехал молчать и скрываться, провожаемый общественными проклятиями...»

В эти дни исполняется ровно 50 лет с тех самых «нобелевских» событий, когда после присуждения ему Нобелевской премии на него были спущена вся свора советских идеологов. Наверное, об этом будут много говорить и на российском телевидении, угры-

заясь, сваливая все на Политбюро, на «волюнтариста» Хрущева, а может, и просто лгать (ведь интерес к творчеству Пастернака сейчас велик, я говорила, и мимо такого повода поговорить о нем, не пройдут). Я же, как один из немногих оставшихся в живых участников, могу рассказать вам «из первых рук», как все происходило, почему Пастернак вынужден был в феврале бежать из Москвы в Тифлис. Хотя 50 лет прошло, этих дней не забудешь, они — «как дневник, их читаешь, раскрыв наугад».

Противостояние (одного человека, поэта!) империи зла со всеми ее механизмами уничтожения, требовали огромного напряжения сил. Нужна была передышка, пусть короткая, не только среди семьи и друзей, но и там, где «крыши городов дорогой,/ каждой улицы крыльцо,/ каждый тополь у порога/ будут знать (уже знают!) тебя в лицо». И вот в феврале 1959 года, за год до смерти, через три месяца после «нобелевских страстей» и непрекращающихся преследований, он вместе с ЗН приезжает в Тбилиси и останавливается в квартире вдовы Табидзе Н.А. Как он пишет моей маме ОВ Ивинской (а писал он оттуда каждый день), «НА дала мне в распоряжение свою комнату... кругом удивительные, полные самопожертвования и преданности люди.... Что я тут делаю? Главным образом скрываюсь... со мной всюду ходит дочь НА Нита и рассказывает историю домов и мест...это целые повести о нравственных подвижниках и золотых сердцах... о чудесах самопожертвования, жалости и самоотречения». Хотя он пишет о днях, проведенных в Тбилиси, как о «животной праздности», это было не так. За эти дни в нем созрела решимость приняться за новую работу. Поначалу, под обаянием легенды о Серафите, девушке, сохранившей живую красоту в гробнице, он хотел писать роман о времени апостольства святой Нины и просил прислать ему книги об этом периоде. Этот замысел не осуществился, но силы для нового творческого рывка он почерпнул именно во время пребывания в Грузии. Вернувшись в Москву, он, как известно, принялся за пьесу из русской жизни, но не отблеск ли истории об уснувшей Серафите угадывается в самом символе новой пьесы — «Слепая крапива»? (Конечно, это только мое предположение.) Эта последняя встреча с Грузией была и прощанием с ней. Светлой печалью веет от его писем: «... я хожу по городу в эти серые холодные дни, которые тут стоят... мне так печально спокойно... как грустно мне вообще по утрам той знакомой беспричинною грустью, которую я так хорошо знаю с детства!.. Я хожу по Тифлису не так как ходил в прошлые мои наезды...» Он дочитывает прустовскую эпопею, которую поставил себе целью дочитать. «Вместе с этим последним письмом дочитываю последние сто страниц из трех тысяч пятисот Марселя Пруста. Ты помнишь, мне он не очень нравился. А эти последние страницы (Найденное время) бездонно человечны и гениальны, как у Льва Толстого».

Найденное время!

Пятого марта БЛ и ЗН уезжали из Тбилиси. Вскочив на подножку вагона БЛ прокричал провожавшей их НА Табидзе: «Нина, поищите меня у себя в доме!» И те, кто хочет и умеет искать, непременно найдут его здесь.

Ирина ЕМЕЛЬЯНОВА

«ЗА ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ДНЕЙ ДО ВОЙНЫ...»

За четырнадцать дней до войны...

- так называется сборник, выпущенный Международным культурно-просветительским Союзом «Русский клуб». Издание осуществлено при поддержке благотворительного фонда «КАРТУ». Руководитель проекта – Николай Свентицкий. Составитель – Инна Кулишова. Над сборником работали Александр Сватиков, Арсен Еремян, Вера Церетели, Алена Деняга. Издание осуществлено при поддержке благотворительного фонда «КАРТУ».

Сборник – уникальное издание. В него вошли материалы Международного русско-грузинского поэтического фестиваля-2008, стихотворения, посвященные трагическим августовским событиям. Как подчеркнул в предисловии соучредитель и официальный представитель Международной федерации русскоязычных писателей в Грузии, президент «Русского клуба» Николай Свентицкий, ни один из участников фестиваля не остался равнодушным к несчастью, постигшему наши народы (а как иначе можно относиться к ав-

густовским событиям?). После светлых, радостных фестивальных дней, когда «на холмах Грузии» поэты разных стран, по сути, стали братьями и сестрами «по духу, по перу», трудно смириться с происшедшим позднее... Человеческое сознание не может ЭТО воспринять, отторгая реальность.

«Нам звонили, писали, постоянно были в контакте со своими друзьями и коллегами. Поэты из разных стран откликнулись на общую беду стихами и статьями. И сейчас продолжают писать о Грузии, что для нас очень дорого и важно. Никто и ничто не в силах изменить наши человеческие и творческие отношения, завещанные нам великими предшественниками», – эти строки предисловия к изданию стали лейтмотивом вечера – презентации сборника. Она прошла в Малом зале Тбилисского русского драматического театра имени А.С. Грибоедова. Вел встречу Николай Свентицкий. Ведущий и определил теплую, камерную интонацию вечера.

Чтению стихов предшествовал показ документального фильма, посвященного Международному русско-грузинскому поэтическому фестивалю-2008 (он прошел в июле нынешнего года и собрал гостей из более, чем двадцати стран). Презентация оказалась двойной: вместе с книгой был представлен диск с видеофильмом о фестивале.

Стихи поэтов зарубежья читали актеры театра – Людмила Артемова-Мгебришвили, Ирина Мегвинетуцеси, Нико Гомелаури, Слава Натенадзе, Вану Курасбедиани. Поэтический вечер начался со стихотворения белорусского поэта Валентины Поликаниной «За четырнадцать дней до войны», давшего название сборнику. Оно включено в ее цикл «Грузинский дневник». Эти пронзительные строки отражают состояние души автора, потрясенного августовскими событиями. В. Поликанина подчеркивает контраст между довоенной атмосферой (именно четырнадцать дней отделяли фестивальные дни от начала противостояния) и страшными последствиями конфликта: «За четырнадцать дней до войны/Были мирными тропы-дороги,/И купались лучи-недотроги/За четырнадцать дней до войны//Были мысли, желаний полны,/И хотелось смеяться и верить/И сквозняк не расшатывал двери/За четырнадцать дней до войны».

Своим отношением к событиям трагического августа поделился поэт из Украины Борис Херсонский: «Старуха, разбитая параличом,/лежала на диване,/присыпанная штукатуркой и осколками стекла:/пуля угодила в портрет/ее молодого брата,/тоже погибшего на войне».

Переключка эпох позволяет острее осознать античеловеческую сущность любой войны, в которой не может быть победителей – только проигравшие.

Еще один автор – Андрей Грицман из США, обратившийся к своим друзьям – поэтам из Грузии: «Звиад, Котэ, Ника, Зураб, Шота». Некогда так же обращались к своим грузинским братьям по перу Сергей Есенин, Борис Пастернак, Евгений Евтушенко, Белла Ахмадулина...

В «опасной зоне» горит волшебная гора, где дикий

виноград на склоне...» – пишет А. Грицман. Поэт сопричастен этой трагедии («Пишут: сжигают в Боржоме леса, с ними сгорают мои глаголы»), а образ «волшебной горы» рождает аллюзии с великим романом Томаса Манна...

Россиянка Елена Иванова-Верховская (стихотворение «Грузинское лето-2008») вернулась в культурно-историческое прошлое, через его призму воспринимаемая и оценивая настоящее: «На «холмах Грузии» бродяжит на чьих-то танках «дух изгнанья». Прозвучали на вечере и ее прозаические строки – она обратилась к грузинским друзьям с письмом. В нем есть такие строки: «В Тбилиси на Сухом мосту у какого-то старика я купила настоящий старый штык времен Первой империалистической. Несколько дней назад я воткнула его в землю. Вы слышите, Шота, Инна, Зураб, Николай, Манана, Мераби? Мой штык в земле, а мои стихи – вам».

Замечательный образец «грузинской» лирики – «Тбилиси» Риммы Марковой из Швеции. Она создает «мозаичный» образ «слоистого» города, сравнивая его с тортом «наполеон»: «Слой удачи, слой разрухи, слой свободы, слой войны»... Она говорит о едином народе, именуемом «тбилисцы» - независимо от национальности. И в этот хрупкий мир врывается «автомат наперевес», разрушая неповторимую ауру древнего города. «День закончен, мир закончен./Солнце

нично в мире,/дорога, река, вершины./И мальчик с профилем Мцыри/красиво ведет машину...»

В сборнике представлены также произведения Дмитрия Строчева (Белоруссия), Бахыта Кенжеева (Канада), Давида Маркиша (Израиль). Выступили и грузинские поэты: Джансуг Чарквиани, председатель Союза писателей Грузии Маквала Гонашвили, поэт и переводчик Натан Баазов, молодые литераторы Зураб Ртвелиашвили, Ника Джорджанели, Нико Гомелаури... Затем слово взял главный редактор журнала «Литературная Грузия» Заза Абзианидзе. В дни фестиваля состоялась презентация юбилейного выпуска журнала. Абзианидзе сообщил собравшимся,

Людмила Артемова-Мгебришвили

Джансуг Чарквиани

Маквала Гонашвили

Заза Абзианидзе

падает с небес» - пишет в финале Маркова.

Прозвучали и стихи тонкого лирика Елены Исаевой (Россия), навеянные летними грузинскими впечатлениями. А ее стихотворение «Мцхета» пополнило сокровищницу «грузинской» русской поэзии, воскрешая в памяти лучшие образцы. Пейзаж, открывший взору поэта, рождает в ее душе ощущение гармонии и красоты мира. «Как все гармо-

Нико Гомелаури

что весь архив «Литературной Грузии» – номера, вышедшие за 50 лет существования издания, – будут переданы союзу «Русский клуб».

Благословение от Святейшего и Блаженнейшего Католикоса-Патриарха всея Грузии Или II передал отец Георгий.

Инна БЕЗИРГАНОВА

«ВГЛУБЬ МОЖЕТ РАЗВИВАТЬСЯ ТОЛЬКО СУДЬБА...»

ГРИЦМАН АНДРЕЙ (США)

Родился в 1947 г. Поэт, эссеист. Окончил 1-й Московский медицинский институт им. И.М. Сеченова. Кандидат медицинских наук. С 1981 г. живет в США. Пишет по-русски и по-английски, публикуется в России с середины 90-х. Стихи и эссеистика публикуются в американской и британской периодике. Стихи были включены в антологию «Modern Poetry in Translation» (UK). Окончил литературный факультет Университета Вермонта со степенью магистра искусств по литературе. Организатор и ведущий международного клуба поэзии в Нью-Йорке и редактор сетевого журнала «Интерпоэзия».

Участники фестиваля в Верхней Абхазии

Грузии был только подростком, лет 16-ти, ходил по горам. Но сейчас, когда я приехал в Грузию, у меня было ощущение, что я много раз бывал здесь, и было чувство родства. Имеется глубокая историческая связь между русской и грузинской культурами, русским и грузинским народами, и, безусловно, огромная традиция общения этих двух поэтических культур, замечательная, чистая струя (или струна, как хотите) грузинской поэзии в русской поэзии. Совершенно не случайно то, что, в отличие от других «братских культур», поэзию которых русские поэты переводили нередко для денег, грузинскую поэзию переводили не за деньги, а «по любви». Пастернак, Ахмадулина, многие другие, в последнее время – замечательный проект журнала «Октябрь» с переводами целых пластов современной грузинской поэзии, и так далее. Поэтому мне думается, что новые

- Сегодня «грузинская и русская литературы живут сами по себе и »играют по разным правилам». Что происходит сейчас, - надо все создавать заново, или есть еще база, на которой можно построить новые взаимоотношения грузинских и русских литераторов? Стала ли Грузия для России и Россия для Грузии новым миром?

- Мне кажется, что есть огромная база поэтического родства между грузинской и русской поэзией. Я в

отношения, которые сейчас могут строиться между русской поэтической культурой и грузинской, - это не новое открытие друг друга, а как бы восстановление на новом уровне долгой любви на всю жизнь. С другой стороны, все это происходит, конечно, на новом этапе, на новом витке. Грузия стала самостоятельной, - вот уже около 20-ти лет, и надеюсь, что это теперь, как говорится, навсегда - но и русская поэзия вышла за пределы России, и теперь очаги ее светят в разных

местах мира. Поэтому, это в принципе новые отношения двух культур, вырвавшихся за привычные рамки «Министерства культуры». Так что, это – если не новая русская поэзия, то новая практика русской поэзии, и новая грузинская поэзия, развивающаяся в независимой, заново себя находящей стране, несмотря на давние связи, может дать новые плоды, поскольку это будут новые отношения. Другой важный феномен, мне кажется, - это то, что сейчас по-прежнему в Грузии многие люди старше 25-30-ти лет говорят по-русски, знают русскую культуру и как-то с ней связаны. Через несколько лет, если Грузия будет оставаться по-настоящему независимой, на что мы надеемся, эта ситуация может постепенно меняться. Вырастает новое поколение талантливых людей, активно создающих современную грузинскую культуру, которые меньше связаны с мощной традицией северного соседа. Вектор их внимания, в том числе поэтического, может обращаться в другую сторону. Любопытное явление этого рода, например, ферганская школа и Шамшад Абдуллаев в Узбекистане, который, хотя и пишет по-русски замечательные стихи и прозу, но фокус его внимания, в основном, на западноевропейской литературе и кино, - так сказать, западноевропейская верлибрная лира, посаженная на сухой почве Ферганской долины. Это я просто упоминаю как возможный, и, по-моему, весьма реальный вариант развития грузинской культуры и поэзии на новом этапе. Не случайно такой замечательный художник (я имею в виду поэтов), как Звиад Ратиани, давно уже связаны

Наталья Гастева и Андрей Гришман

с англоязычной традицией поэзии: например, переводы Ратиани американской поэзии.

Прежде всего, русско-грузинские литературные отношения должны существовать не на государственном уровне – на уровне министерств культур, посольств и т.д., а на уровне соприкосновения русской и грузинской поэтической практики, выражаемой во взаимных переводах и разговорах за столом активных носителей поэзии, то есть, русских и грузинских поэтов. Мне кажется, что интерес российского литератора к грузинской литературе – и метафизический, и экзотический, и этнографический. Метафизика в грузинской поэзии, безусловно, есть, и это очень ощущается человеком с художественным чутьем. По-моему, талантливые пишущие грузинские авторы очень ес-

тественно, родственно слиты с этим местом и отражают его. Невероятно важно сочетание поэзии и места. Есть концепция «поэзии места», и в Грузии это естественное, органическое слияние поэзии места с самим местом, я думаю, выражено в крайней степени.

- Довлатов писал, что литературная среда все-таки необходима. Вы говорили, что предпочитаете заниматься своей профессией - профессией врача и четко это разделять.

- Литературная среда, безусловно, необходима и полезна. Однако, по мере того как художнику прибавляется лет и зрелости, он становится более независимым от этой литературной среды. Достаточно лишь нескольких, важных для художника, собеседников. Я имею в виду собеседников - в смысле определения Мандельштама «О собеседнике», или «читателя, советчика, врача!», «Да, на лестнице колючей разговора б...» Вот этот колючий разговор совершенно необходим. Тусовка, так называемый «литературный процесс», премии и взаимное подмазывание – не необходимы, а для менее зрелых авторов – просто вредны.

Отвечая на вторую часть вашего вопроса: да, я – врач, всю свою жизнь, третье поколение: оба моих родителей были врачами. Для меня это был естественный выбор, я люблю свою работу, хотя порой устаю от того, что не хватает времени и приходится, как минимум, две жизни, а то и три, - потому что я пишу еще и по-английски, - втискивать в одну жизнь. Но все-таки это разные линии моей жизни. В течение дня нередко поэзия, или литература – это как бы тайные занятия. На экране моего компьютера скрыта маленькая иконка, где я работаю над очередным стихом, на русском или на английском, в зависимости от ситуации и настроения. И вот в течение всего дня я возвращаюсь к этому тексту и с ним что-то делаю. Это меня греет, и это какая-то моя, дорогая мне, вещь, которую я достаю и с удовольствием, тайно от других, разглядываю. Она со мной постоянно. Может быть, помните у Набокова эти строки о хорошей книге, которая тебя ждет в течение жизни, и ты возвращаешься к ней, - она, как свеча, сама по себе, одна, горящая в какой-то закрытой комнате. И ты знаешь, что она горит.

- Вы - главный редактор журнала «Интерпоэзия»... По какому принципу Вы отбираете стихи? Существуют ли для Вас «священные коровы» нынешней поэзии, которых публиковать будете в любом случае?

- Ну, «священные коровы», естественно, существуют, но некоторые из них мне лично очень нравятся (хотя они и «священные»), а некоторые – не нравятся; и вот тех, которые нравятся, я буду публиковать, даже если конкретная подборка меня меньше интересует, чем другие. Тут главное то, что вообще интересует линия данного известного автора. С другими же «священными коровами» дело обстоит просто. Я к ним обращаться не буду по той причине, что у них важные и знаменитые имена. Просто меня их творчество не интересует, хотя я могу иногда отдавать должное их искусности и мастерству. Впрочем, если кто-то из этих, меня не интересующих, «священных коров», пришлет нам подборку, которая представится мне интересной, то я ни по каким политическим соображениям отвергать ее не буду. В редких случаях, – я как редактор тоже иногда оступаюсь, как и все остальные, - я могу опубликовать какую-то подборку человека, «литера-

турная карьера» или жизненная история которого для меня интересны. Я уважаю эту жизненную историю и хочу, чтобы имя это появилось на страницах «Интерпоэзии». Иногда меня спрашивают: зачем ты это опубликовал, подборка этого не стоит. Может, это и ошибка, но и у меня есть свои слабости, и иногда меня просто интересует художественная, жизненная история данного автора. Я не буду называть имен, но легко можно догадаться, о чем и о ком я говорю. С моей точки зрения, такой журнал как «Интерпоэзия», - это не «толстый журнал» в обычном, стандартном понимании, то есть, это не дидактическое, литературоведческое, или системно-иерархическое издание. Это все-таки должно быть шепотно, интересно, не обязательно в «СМОГовском» смысле; и без «пощечины общественному вкусу». Но это должно быть изданием живого искусства. А живое всегда может делать какие-то ошибки, идти не по прямой, а порой

одаренных авторов. Периодически, весьма редко, из слоя таких одаренных авторов появляется гений или, скажем, очень большой художник (например, история с Бродским), который многое определяет и дает направление развития языка, прежде всего, поэтического. Кроме того, это делается посредством активной художественной жизни целого ряда одаренных авторов, которые и создают это силовое поле наличия поэзии и поэтического языка в воздухе. С моей точки зрения, сейчас как раз такое время, когда нет одного или двух определяющих «гениев», как бы себя (или друг друга) ни называли различные высокоодаренные авторы и их высокоодаренные друзья. Сейчас время именно силового напряжения, некоего электрического «гудения» целого пласта. Между прочим, это совершенно не исключает создания большим поэтом или очень одаренным автором совершенно уникального, оригинального стихотворения, заслуживающего термина «гениальное». Это случается. С моей точки зрения, вообще, определение «большой поэт» или даже «хороший поэт» - определение очень высокое, поэтому это постоянное назначение и самоназначение «гениев» в каком-то художественном кругу, мне кажется, абсолютно выхолащивает не только самый этот термин, но и эту самую идею. По-моему, если уникальная душа художника способна найти свой уникальный язык, не похожий ни на чей другой, и тень этой души, падающая на стену с мечущимися отблесками, не похожа ни на чью другую тень, - это необходимо и совершенно достаточно. Другое дело, что настоящий художник должен ставить свою жизнь на службу этому, то есть - жизнь для души, а не душа для жизни. Мне кажется, я в краткой форме ответил на вопрос о сегодняшнем состоянии поэзии.

...И все же я думаю, что поэзия на данном этапе развивается больше по горизонтали. Например, нахождение некоторыми высокоодаренными оригинальными авторами практически своего языка в поэзии - это все же развитие по горизонтали, то есть, вширь и вдаль, что очень важно. Вглубь может развиваться только судьба, это глубина падения или, вернее, высота взлета большого или великого художника. Это опыт души, который подслушан (и выстрадан!) автором. Не случайно Бродский сказал на 100-летие со дня рождения Ахматовой: «Великая душа, поклон через моря». Кстати, «через моря» здесь тоже не случайно.

Ответить на вопрос о том, какая система координат в поэзии, очень сложно, потому что сама природа поэзии - ускользающая, текучая, а иначе это не поэзия.

- Проблемы отрыва от языка сегодня не столь существенны из-за Интернета - если он имеется. А отрыв от друзей преодолим при наличии финансовых возможностей - сесть в самолет и прилететь в любую точку земного шара. И все-таки, - преимущества и проблемы жития и жизни в Канаде-Америке-России?

- Ну, для автора, живущего в России, при наличии некоторой известности, чтобы приглашали и оплачивали поездки, или некоторых денег, общение с собратьями по перу все же легче. Можно сесть на поезд, или пролететь на самолете пару часов. Это относится даже к авторам, живущим в восточной-западной Европе. С северной Америкой ситуация несколько

На экскурсии в Батуми

- с нетрезвыми выкрутасами.

Стихи же мы выбираем по принципу их качества. После нескольких лет существования журнала складывается определенный круг авторов, которыми мы очень дорожим. Эти авторы, собственно, и создают журнал («ядро» журнала.) - его лицо, его характер. Одна из концепций журнала «Интерпоэзия», о которой Вы спрашивали, - это именно поэзия поверх границ, поэзия поверх культур. Эта мое давнее убеждение - что, несмотря на разницу языков, поэт русский, филиппинский, американский или грузинский друг друга поймут на своем «птичьем» языке.

- На каком экзистенциальном месте находится сегодня русская литература, не только поэзия? Больше в ней горизонталь или вертикаль? Какая система координат?

- Ну, если подробно отвечать на все эти вопросы и их раскрывать, то, наверное, можно написать книгу эссеистики о современной поэзии. Постараюсь ответить кратко. Прежде всего, по моему глубокому убеждению и, пожалуй, даже по художественно-жизненному опыту, состояние литературы определяется не так называемым «литературным процессом», состоянием журналов, внешней активностью, разными группами, кругами, платформами и так далее, - а наличием

сложнее, - по причине дальности перелета, финансовых условий и, на самом деле, повышенной занятости жителей северной Америки. Тут могу говорить только за себя. Интернет, безусловно, сильно облегчает литературно-дружеские связи, но мне, просто по слабостям моего характера, необходимо физическое общение с «собеседником», с собратом по перу, родственной душой, - посидеть за кружкой пива или бутылкой водки, погулять по городу, останавливаясь тут и там, начиная разговор как бы с полуслова, продолжая старую беседу.

- Что Вы можете сказать о существовании русской литературы за пределами России?

- Русская литература за пределами России, вне всякого сомнения, существует; почему-то ее принято условно делить на «дальнее зарубежье» и «ближнее зарубежье». Мне кажется, что условно можно разделить русскую литературу в диаспоре на три вида.

Один – это «ближнее зарубежье», то есть, авторы, русскоязычные, которые живут в областях или странах, ранее бывшими советскими сателлитами, в непосредственной близости к огромному, мощному материке русской культуры, и естественно, продолжают писать по-русски. Условия их творчества и жизни могут быть весьма сложными и нездоровыми, но это, тем не менее, существование в пределах силового поля русской культуры. Многие люди в этих странах по-прежнему говорят по-русски, то есть, существует некое реальное поле давления русского языка, - во всяком случае, достаточное для того, чтобы общаться по-русски.

Авторы, живущие в так называемом «дальнем зарубежье», включая западную Европу, находятся в совершенно других условиях, так как они живут в атмосфере совершенно иной, иноязычной культуры. Их можно условно разделить на два вида. Один - это те авторы, которые попали на Запад, или в дальнее зарубежье (включая Израиль - наиболее населенную русскими авторами область), в последние 15-20 лет, и которые, по существу, продолжают оставаться русскими писателями из России. Они нередко имеют российские паспорта и могут беспрепятственно ездить, общаться с друзьями, и нередко, при возвращении в Москву или на Украину из «дальнего зарубежья», снова попадать в привычный круг и возобновлять привычные связи.

Третья категория – это авторы (к которым, думаю, отношусь и я), которые попали в дальнюю диаспору очень давно (в моем случае – около 30-ти лет) и для которых это «дальнее зарубежье» более или менее стало домом (опять же, в моем случае – скорее «более», чем «менее»). Это совершенно другой вид творчества, - пожалуй, более автономное и герметичное. Естественно, что в последние 10-15 лет, при увеличивающемся «кровообращении» русской культуры и авторов между всеми частями света, наличии Интернета и журналов, доступных везде (опять же – в основном, через Интернет), эта позиция несколько меняется. Но тем не менее, - по себе могу сказать, - все-таки ощущение принадлежности к совершенно другой жизни, при упорном продолжении творчества на своем родном языке, - это несколько другой феномен.

- Каким Вы видите будущее русской поэзии и прозы? Аудио-визуальное, а ля семь Симеонов Полоцких в тесном сотрудничестве с высокими технологиями,

выражаясь экстремально?

- Все зависит от таланта, дарования, оригинальности высказывания и истинности художественной судьбы автора. Аудио-визуальное, или видеоклипное, или мычашее исполнение поэзии в сочетании или без сочетания с высокими технологиями, по-моему, это не имеет никакого значения. Важно – как это сделано. Если есть, что сказать, и можно применить новую форму, например, визуальную, - это очень интересно. Меня, в частности, очень интересует иллюстрация поэтических книг какими-то визуальными образами, - например, графикой. Ни в коем случае не иллюстрирующими и не объясняющими стихи, но в каком-то, не совсем явном, смысле связанными с поэтическим текстом. Вот это, по-моему, очень интересно. То же самое наверняка можно сделать с видеоклипами, с кино и тому подобным. Чего я совершенно терпеть не могу – так это «обардивания» хороших стихов, пения их под гитару. Это одна сторона пошлости. У поэта есть свой внутренний и внешний ритм, который совершенно ломается, искажается, выхолащивается вот этой псевдоискренностью и гитарной (фортепьянной, баянной) слезой, которая начинает сочиться из стиха, переделанного в бардовскую песню. Бардовские песни есть изумительные, и я сам многие из них очень люблю, но это совершенно отдельный жанр. С другой стороны, я не могу терпеть самодовольное и надутое исполнение стихов при свечах, скажем, под классическую камерную музыку – это напоминает гальванизацию трупа.

- Кто сегодня делает Вас внимательным читателем? Как Вам живется в сегодняшнем времени? Есть ли для Вас самый оптимальный возраст, время и т.д.? Сколь комфортно самоощущение и сколь уместен этот вопрос, учитывая все плюсы и минусы эскапизма для поэта?

- Внимательным читателем меня делает любой ин-

У памятника В.Маяковскому в Дигони

тересный автор, от совсем молодого, 20-летнего человека, до известного мастера. Конечно, как и у всех, у меня есть собственные вкусы, и я с особым интересом читаю автора, к которому чувствую особую близость. Оптимальный возраст и время для меня, пожалуй, сейчас, - то есть, то время, в котором я сейчас живу, - по личным соображениям. Я отделался от

многих иллюзий и глупостей, которыми я питался в течение долгого времени, и сейчас вот уже некоторое время существую в более внутренне чистой форме, к чему я всегда стремился. Это длинный разговор, и, наверно, здесь для него не время и не место. Могу только сказать, что данное мое личное состояние наиболее соответствует возможности писать, чего мне больше всего и хочется. Для меня эскапизм, то есть, возможность уединения как поэта, наиболее актуален просто в смысле отвлечения от шума времени, излишней работы, а самое главное, от излишних контактов с людьми. Поэтому с годами я все больше стал ограничивать свое личное общение, меньше разминывать свое время и энергию на ненужные контакты.

- Вернемся к началу разговора. Была когда-то Грузия особым поэтическим местом (еще с XIX века, когда только в Тифлисе и справили пышно 30-летие Пушкина), заодно создавая много стереотипов. Сейчас складываются новые, или на этом месте зияет дыра, затянувшаяся пустота? Приезд сюда – инерция любви?

- Естественно, никакой дыры на месте грузинской культуры, куда русские ездили столетиями, не зияет, это никакая не «затянувшаяся пустота», а тоже активно существующее место в истории, которое является источником творчества. Ну, например, как Италия, куда русских поэтов, художников и прозаиков всегда тянуло. Есть какие-то такие особые места на Земле. Могу добавить сюда Иудею, Иерусалим, Рим... Приезд в Грузию – для меня это уже случилось после этой последней поездки, - это не только инерция любви, это и поиск любви, поиск животворной энергии чувства, которое здесь, по-моему, разлито в теплом воздухе.

- Какая книга, какой человек за последнее время из современной русской и грузинской культурной жизни стали для Вас событием и открытием, создали

Краббе «Золотое яйцо» и «Пещера».

- Мамардашвили говорил о двух началах в культуре: античном и христианском... Что в этом контексте можно сказать о русской и грузинской литературе?

- Это всегда несколько искусственно – стараться поместить то или иное явление живой жизни, - то есть, русскую поэзию или грузинскую поэзию, - в какую-то концепцию. Естественно, эта концепция Мамардашвили имеет прямое отношение к линии поэзии, но, мне кажется, не к практике создания поэзии индивидуальным, оригинальным художником. Мамардашвили говорит о том, что античность оставила в наследство Европе веру в завоевания человеческого ума, а христианство – идею нравственного восхождения. Здесь как бы подразумеваются поиски умственного и нравственного, или морального, начал в поэзии. Не будем забывать, что поэзия, прежде всего, - скажем без кокетства, - некоторое шаманство, имеющее прямое отношение к языческим истокам искусства с самых древних времен. То есть, все эти основные компоненты присутствуют, не обязательно в каждом хорошем поэтическом произведении, но в поэтическом творчестве в целом, будь то русская или грузинская поэзия. Вообще говоря, не может быть такого, что поэзия одной культуры, одного языка выражает в себе одно начало, а другая – другое. Все это смешивается у талантливого поэта, и в значительной традиции, или линии в поэзии, складывающейся из творчества нескольких талантливых авторов. Поэтическое сознание, или, точнее, чувство (по-английски – sensibility) парит где-то над всем этим, и душа, которой необходимо высказаться, находит тот или иной язык и ту или иную поэтическую форму, наиболее соответствующую времени, истории, языковой и культурной традиции и, что особенно важно, данной поэтической ситуации – то есть, в каждом конкретном стихотворении это может быть по-разному.

- Роберт Фрост как-то бросил фразу: «сказать, что я поэт, - значит, сказать, что я хороший человек...». То есть, это так же нескромно, как говорить про себя хорошо... Комплекс Толстого-Солженицина чужд поэту? Пророчество – «побочный результат»...

- Мне кажется, что Фрост имел в виду совсем общие вещи – то есть что хорошее произведение или хороший поэт по определению, с точки зрения библейско-христианской, это хорошо. Вот что имеет значение. Я совсем не имею в виду, что поэт, как иногда говорят, имеет право быть монстром. Поэт может быть трудным человеком, но большой поэт монстром быть не может. Это связано с проявлением личности и исповедью души. Я уже говорил о том, что нужно различать способность к талантливой версификации, – даже весьма выдающийся дар в использовании этого инструмента, – и масштабы личности. Сочетание этих двух факторов чрезвычайно важно для формирования большого художника. Пророчество - безусловно, «побочный результат». «Поэзия должна быть глуповата». Поэт может задумать большую поэму, но в процессе ее выполнения он как бы закрывает глаза, и происходит некая глоссолалия души. Тогда появляется настоящее.

Инна КУЛИШОВА

В детском городке «Мзиури»

некое новое пространство, смысловое?

- На этот вопрос трудно ответить. Грузинского языка я не знаю. Из стихов грузинских поэтов, которые я слышал на этом фестивале, многое очень понравилось. В российской культурной жизни тоже много разного и интересного. Если брать какую-то отдельную книгу, которая за последние годы произвела впечатление – на ум приходят два романа голландского писателя (видите, не русского и не грузинского) Тима

АБДУЛЛАЕВ ШАМШАД (УЗБЕКИСТАН)

Родился в 1957 г. Поэт, прозаик, эссеист. Окончил факультет русской филологии Ферганского педагогического института. Автор нескольких книг стихов, в т.ч. «Промежуток» (1992), «Медленное лето» (1997), «Неподвижная поверхность» (2003), книги прозы и эссе «Двойной полдень» (2000). Заведовал отделом поэзии журнала «Звезда Востока». Редактор сетевого литературного альманаха «Припоминающийся дом». Лауреат премии Андрея Белого (1993), премии «Глобус» журнала «Знамя» (1997) и Русской премии (2006).

КОНЕЦ НЕДЕЛИ: ПРОГУЛКА С ДРУГОМ

И вышли на бугристую площадь – такую широкую,
 Что заметней проделанный путь, но обшарпанный
 гиб
 Забора с едко-зеленым, мшистым покровом
 И грязный ветродуй, из тупика
 Нагнавший нас, как всегда, со спины,
 Заглушили эпический декор, словно Париж,
 Увиденный впервые глазами Руссо
 В жирной, кудахтающей серости.
 Спрессованный ползучей пылью и побегами косматых
 кустов –
 Дешевый простор – именно здесь.
 Замедляем шаг, зараженные тишиной. И всюду
 Дышит Оно. Что-то.
 Легкая длительность, солнце пылает, жуки
 Смещаются тяжело, как хмурые пилигримы, по стер-
 не

И всякий раз внезапно обнажают бледные,
 Бледно-розовые крылышки, срываясь в полет.
 Думаешь, мы спасемся, вот так
 Постоянно держась на весу, как «они». Я сыт
 По горло этой притворной
 Обыденностью летнего пространства. Мы лежим,
 Раскинув руки, на протоптанном поле –
 Два крестика
 С птичьей высоты; я щупаю молодую тростинку,
 Цепляя ногтем ускользящую ломкость; а ты
 Читаешь, как умирал (умирает) Рембо:
 Слова, подсказанные болью, - «аллах карим»,
 Но ангел уже на подхвате (в каждый
 Воскресный день).

АЛЕХИН АЛЕКСЕЙ (РОССИЯ)

Родился в 1949 г. Поэт, критик, эссеист. Окончил факультет журналистики МГУ. Член Союза журналистов Москвы, Союза российских писателей и Союза писателей Москвы. В 1993 г. основал первый в истории российской словесности «толстый» поэтический журнал «Арион», главным редактором которого является по настоящее время. Один из создателей и ведущих мастеров современного русского свободного стиха. Активно разрабатывает новый для русской поэзии жанр «поэтических путешествий». Автор книг стихов и прозы. Регулярно печатается в журналах «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов», «Арион», «Вестник Европы» и др., а также за рубежом. Стихи и статьи переводились на многие языки мира. Лауреат художественной премии «Петрополь» (Санкт-Петербург, 2004).

ПСАЛОМ

я тоже религиозный поэт

ведь религия
 суть восторг красотой Творенья –

где яблони в белых гетрах
 разбежались по саду

женственные облака
 проплывают
 показывая розоватые нижние юбки

и в доме
 пахнет досками вымытый пол

...только жаль пишмашинок
 отмечавших звоночком рождение
 всякой строки

ВРЕМЯ ЗВУЧАНИЯ

Утомленное солнце. 2.59
Ах, эти черные глаза. 3.25
Скажите, почему? 2.53
Брызги шампанского. 2.58
Счастье мое. 2.53
Спасибо, сердце. 3.16
Если можешь, прости. 3.00

Козин Юрьева Лещенко Утесов

в гагринском парке среди пальм и цветущих магнолий
в ДК с коринфскими колоннами и гипсовыми плодами колхозных садов
на дощатой тацверанде города N с гарнизонным оркестром

«я руки твоей коснулся вдруг»
«в этот час ты призналась»
«тронутые ласковым загаром руки обнаженные твои»

женщины с полудетскими накрашенными ртами
с завитыми на бумажках локонами
в наглаженных блузках

белые рубашки апаш курсантские гимнастерки
бриолин гуталин
запах «Шипра» и «Красной Москвы»

«снятся твои золотистые косы»
«все это ты любимая все ты»
«мой нежный друг»

через несколько лет танцующие тут мужчины будут
лежать в земле
а вернувшиеся из эвакуации женщины не найдут в
своих разоренных домах
оставленных на этажерке пластинок
да и самих домов

«твои письма читаю не могу оторваться»
«в парке Чаир распускаются розы в парке Чаир расцветает миндаль»

Саша, ты помнишь наши встречи? 2.55
Рио-Рита. 2.50

АМЕЛИН МАКСИМ (РОССИЯ)

Родился в 1970 г. Поэт, переводчик. Окончил коммерческий колледж. Учился в Литературном институте им. А.М. Горького. Стихи печатались в журналах «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Арион» и др. Автор трех книг стихов, переводчик античной поэзии. Автор статей о русских поэтах и ряда эссе о поэзии. Лауреат премии «Антибукер», премии журнала «Новый мир», поэтической премии «Anthologia» и большой премии «Московский счет». Стихи переводились на многие языки мира.

ИЗВАЯНИЕ СИЛЕНА в капитолийском музее

Безымянного страж именитый сада,
бородатый, косматый, великорослый,
с переброшенной шкурою через рамо
кососаженное,

козлоногий, мудастый, парнокопытный,
многогроздую между рогов кошницу
подпирающий шуйцей, в деснице свесив
кисть виноградную, —

что печаль по челу пролегла, Силене?
Мрачноличен зачем и понуровиден?
Ах, и кто же, скажи, не стыда, не срама, —
уда заветного,

прямотою прославленного стрекала
кто лишил-то тебя? За какие вины?
Неужели твои сочтены проказы
за преступления?

Позабыт-позаброшен толпой пугливых
прежде нимф, наговатых насмешниц ныне, —
хоть гоняйся за ними, хоть не гоняйся,
все одинаково,

ибо надо, поймавши, сражать, а нечем.
Потерявшему большее потерявшим
меньшее не наполнить обломком лона
влаготочивого, —

ни на что похотливый скопец не годен,
безоружный же муж никому не нужен,
оттого и поставлен в музее — Музам
на поругание.

ЛИРА

В антикварном отделе
книжного магазина «Москва» на Тверской,
куда я часто захоживаю,
мне попала — буквально на днях —
одна любопытная книга:
«Опыт о русском стихосложении» *Востокова*,
1817 года.

Александр Христофорович по молодости лет
истинным был пиитом,
изысканным и чрезвычайно изобретательным,
воспевал мужскую — в античных формах —
любовь и дружбу, а потом,
остепенясь, Поэзию бросил и женился
на Филологии.

Редкий — ручаюсь —
экземпляр единственного издания
(хоть и черным по белому, что второе),
с которого, собственно, началась
наука о русском стихе,
в полукожаном переплете, без корешка,
стоит 20.000 рублей.

Однако не тем он ценен,
а тремя — на переднем форзаце слева —
прежних последовательными надписями владельцев:
Сергея Михайловича Бонди,
Сергея Павловича Боброва,
Михаила Леоновича Гаспарова —
и пометами на полях.

Знатоки и ценители тонкостей стиховых
с отвлеченной своей наукою
переместились к Востокову — медлительно рассу-
ждать
о размерах, рифмах и строфах,
а ты на продажу выставленной оказалась,
обветшавшая, не переданная никому
Лири стиховедения!

* * *

Заря зарделась на востоке,
деревенская девка, ведущая
на привязи день
белоголовым теленком,
еще не ведающим уже
в сумороках готовящегося вечерних
ему заклятия. —

Что неизбежно, то свершится. —
Одиссей хитромудрый сопутников
ослушных своих,
жаждой томимых и голодом
на диком острове, где паслось
среди пестреющих выгонов солнцево стадо,
столь постоянное

по численности, что единой
головой прирастало для убыли
в четыре зимы,
как ни старался лишенных
рассудка словом остановить,
но со слухом у чревонеистовства плохо
и нет зазрения. —

Короче, сообща напали,
кровеносную жилу надрезали
на вые быка,
дабы насытиться мясом
парным, не жареным на костре,
и напиться рудой, — до костей был обглодан
день возвращения. —

За то погибель им досталась
всем в удел, по отдельности каждому. —
Из них не узрел
дома по странствиях многих
никто. — Единственный Одиссей,
отвлекаемый выпреним гласом от зова
утробы трубного,

не вскорости, но воротился
восвояси. — Зачем пересказывать
известное всем? —
Памороки обреченным
отшибло напрочь, — время пришло
вновь напомнить, что все и даруется Богом,
и отнимается.

«ЖИТЬ НАДО ПРАВИЛЬНО...»

«Не бойтесь, надо делать только то, что хочется, к чему тянет. Время потом разберет».

А.П.Чехов

Тбилиси – огромный маленький город. Великие – это соседи по дому и улице, близкие, однокашники, приятели, знакомые знакомых... В этом городе они – на расстоянии вытянутой руки. Они доступны для общения, но, как и полагается, недосыгаемы...

Скромные определения «известность» и «популярность» - не к месту. Слава Вахтанга Кикабидзе давно уже существует субстанциально, сама по себе. Иногда кажется, что Буба смотрит на нее как бы со стороны. Самое время почивать на лаврах. Но это – не про Кикабидзе. «Вызываю огонь на себя» - вот это про него. Про бесстрашного мальчишку - босяка и драчуна, в четыре года оставшегося без отца (война); про бесстрашного юношу – запевшего вопреки, снявшегося в кино вопреки; про бесстрашного мужчину, рядом с которым надежно его близким... «Трудно ли быть женой Кикабидзе?» - спрашиваю у Ирины. Она смеется: «Легко! Он очень легкий человек. Конечно, с характером – а кому интересен бесхарактерный? Но он очень, очень теплый».

«Вызываю огонь на себя» - это про Бубу, ставшего одинокой белой мишенью на черном стрельбище лжи.

«Если надо объяснять, то не надо объяснять», - писал Александр Блок. Кикабидзе разочарован, но не объясняется и не оправдывается. Он ищет (и нашел!) тексты для новых песен. В свой юбилейный год он готовится к декабрьским концертам в Тбилиси. Он работает.

С Вахтангом Кикабидзе немислимо разговаривать только о «чистом» искусстве. Он настолько плоть от плоти своей родины (а его родина – это его земля, его друзья, его семья), что даже заболеть не может своей собственной болезнью. В основе анамнеза всегда – упаси, господи! – либо неблагополучие родины, либо неблагополучие близких. Иной причины для недомогания быть не может.

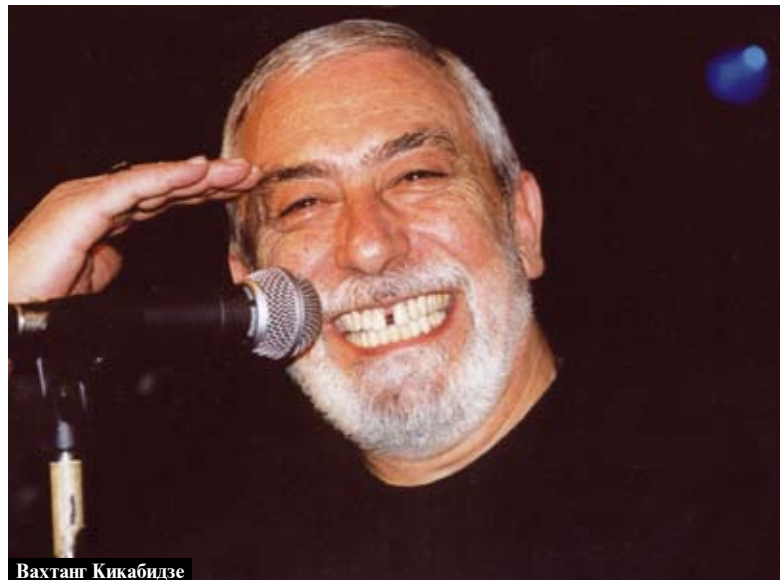
«Когда я уезжаю из Грузии, - говорит Кикабидзе, - то спустя уже десять дней, где бы я ни был, начинаю сходиться с ума – настолько хочется домой».

Бесстрашный человек дышит полной грудью такт в такт со своей страной. Вот и сбивается дыхание. Вот и не хватает воздуха.

- Как Вам сейчас, Вахтанг Константинович?

- Не поется... Внутри, в душе не поется...

Он говорит сокрушительно откровенно: «Я не то что бы ощущаю зависимость от политической жизни, но после 1989-го я перестал себя уважать». (Ошеломленный интервьюер теряет дар речи). «Потому что я понял, что многие вещи не от меня зависят». В этих словах – позиция настоящего (извините за тривиальность определе-

Вахтанг Кикабидзе

ния, но другого не подобрать) мужчины, привыкшего во всем и за все брать ответственность на себя. Неслучайно порядочность Буба определяет как «умение держать свое слово и за все отвечать самому».

«Измучась всем, не стал бы жить и дня./Да другу трудно будет без меня», - так заканчивается 66-й сонет Шекспира. В моем понимании – это про Кикабидзе.

Он вспоминает: «Тогда, в апреле 1989-го, уезжая на гастроли (была заранее утвержденная договоренность), я чувствовал, что не должен уезжать... Я звонил домой каждый день. Узнав о случившемся, отменил все концерты – более двадцати. В произошедшее все-таки до конца не верилось. С трудом, огромным коллективом почти в восемьдесят человек более шестнадцати часов добирались до Тбилиси, не было никакого транспорта, водители отказывались везти. Вернувшись домой, помню, я, не раздеваясь, прошел в ванную, заперся и долго плакал... Мне было стыдно».

Буба из той редкой породы людей, которые стыдятся не того, что сделали (любой поступок Кикабидзе – по совести и искренне), а того, что не сделали.

Потому что он ощущает кровную ответственность за этот мир, за эту страну, за этих людей. «Очень хочется, - говорит Буба, - чтобы была мирная жизнь, чтобы каждый отвечал за свои дела, потому что история никогда никому ничего не прощает. Все записывается – черным по белому. Пройдет какое-то время, и ничего не останется тайным».

Он не кокетлив и, конечно, хорошо знает себе цену. Вахтанг Кикабидзе – не бренд. Это было бы пошлым определением. Но представить себе Грузию без него невозможно, как Францию без д'Артаньяна. Однако говорить с Кикабидзе о нем плохо получается – он все время уводит разговор в сторону от себя, а замороженный собеседник послушно и увлеченно слушает блестящие рассказы-зарисовки о том, о чем Буба по-настоящему любит говорить: о песне, о друзьях, о слушателях... Именно в такие мгновения собеседнику может повезти увидеть необыкновенную улыбку Бубы. «Он улыбнулся мне ласково, нет, гораздо больше, чем ласково. Такую улыбку, полную неиссякаемой ободряющей силы, удастся встретить четыре, ну – пять раз в жизни... И вы чувствуете, что вас понимают ровно настолько, насколько вам угодно быть понятым, верят в вас в той

мере, в какой вы в себя верите сами, и видят вас именно таким, каким вы больше всего хотели бы казаться», - именно эти слова Ф.С.Фицджеральда приходят на память, когда улыбается Кикабидзе.

Кого любишь, у того и учишься. Его любят, и он знает и чувствует это. Он поет о любви и добре, о чести и достоинстве. Хорошие ли ученики его слушатели? Наверное. Дом Бубы заполнен письмами со всего света (и более всего – из России) – поддерживают, верят, зовут... «Да, я очень люблю Россию, мне очень дорог русский слушатель. Почему бы об этом не говорить? Половина моего огромного репертуара – на русском языке. Я пел и пою песни на стихи лучших русских поэтов. Если бы это не доставляло мне огромного удовольствия, я бы не пел... Между прочим, я не отказался от ордена Чести и Достоинства, который мне вручили месяцев пять тому назад, в Москве, в Храме Христа-Спасителя. Я получал его в замечательной компании – с Владимиром Этушем, Юрием Яковлевым, Элиной Быстрицкой. Вообще у меня много российских наград, и я очень дорожу ими».

Довольно скверный ученик в школе, self-made-man по жизни, Кикабидзе - самородок, но не самоучка. Он очень вдумчивый и ответственный ученик в профессии. Обладая фантастической наблюдательностью, готовностью постигать неизведанное, неискоренимым стремлением сделать дело по высшей мерке, превосходно, он тоже учился у тех, кого любит. В музыке – у Марка Бернеса и Клавдии Шульженко, у Рэя Чарльза и Джо Кокера. В кино – у Георгия Николаевича Данелия (именно так, по имени-отчеству, невзирая на близкую дружбу, называет Кикабидзе кинорежиссера, рассказывая о нем).

При этом в своем деле Буба нашел и сохранил именно свою интонацию, свой тембр, свою манеру. Он вспоминает: «Мне всегда очень нравились «Кони привередливые» Владимира Высоцкого. Конечно, я не мог взять и спеть эту песню без Володиного разрешения. Как-то мы столкнулись с ним на «Мосфильме». Помню, он пробовался тогда на роль Емельяна Пугачева. Я и спросил у него про «Коней». Высоцкий был категоричен: «Нет, нет... Ты настолько по-своему споешь... Эта песня перестанет быть моей».

Муслим Магомаев однажды спросил у Кикабидзе: «Буба, ну как это у тебя получается так шептать?» Буба ответил просто: «Не знаю. Наверное, все отсюда идет», - и положил руку на сердце.

Он не мог успокоиться, пока не нашел для себя ответ на вопрос, в чем же секрет невероятного успеха французских шансонье – Реджани, Бреля, Брассанса, Азнавура, которые никогда не отличались исключительным вокалом. «Секрет шансона, во-первых, в тексте, и только во-вторых, в манере исполнения», - говорит Буба, как-то попросивший своего франкоговорящего друга перевести ему тесты песен шансоном. Конечно, важна музыка, важно умение владеть микрофоном, но значение текста, в основе которого – незамысловатая, но захватывающая история, которую слушатель волен понять и продолжить, как ему угодно, Кикабидзе ставит на первое место. Именно поэтому он, в чьем репертуаре песни на стихи Галактиона Табидзе, Евгения Евтушенко, Роберта Рождественского, с удовольствием исполняет и песни в стиле классического шансона (а не того полу-блатного, псевдо-лирического суррогата, который легкомысленно

кличут шансоном), наполняя их тем необъяснимым обаянием, которое и является магнетической энергетикой именно этого певца. «Вот и все, что было, вот и все, что было», - тихонько, как бы в подтверждение, напевает Буба. «...ты, как хочешь, это назови», - немедленно подхватывает осмелевший интервьюер.

Разговаривая с Бубой, понимаешь, что перед тобой - человек с невероятной органикой, абсолютно естественный, какими бывают животные, дети и, видимо, очень искренние люди. Неслучайно Данелия признавался, что, начиная с их первого совместного фильма «Не горюй!» (в котором в итоге весь сценарий был переписан под Кикабидзе), он каждую сцену проверял, примеряя на Бубу, – если Кикабидзе говорил, что ему неудобно, неуютно играть, для Данелия было очевидно, что сцена неестественна, надо переписывать.

«Любовь народа завоевать очень сложно, - говорит Кикабидзе, и с этим не поспоришь. – В нашей бывшей общей большой стране было огромное количество талантливых людей. И очень мало кому так везло – чтоб его любили... Немного тяжело, когда тебя все знают. Но это огромное, огромное счастье – когда тебя любят. Я всегда пов-

После вручения Гран-при ММКФ

С мамой

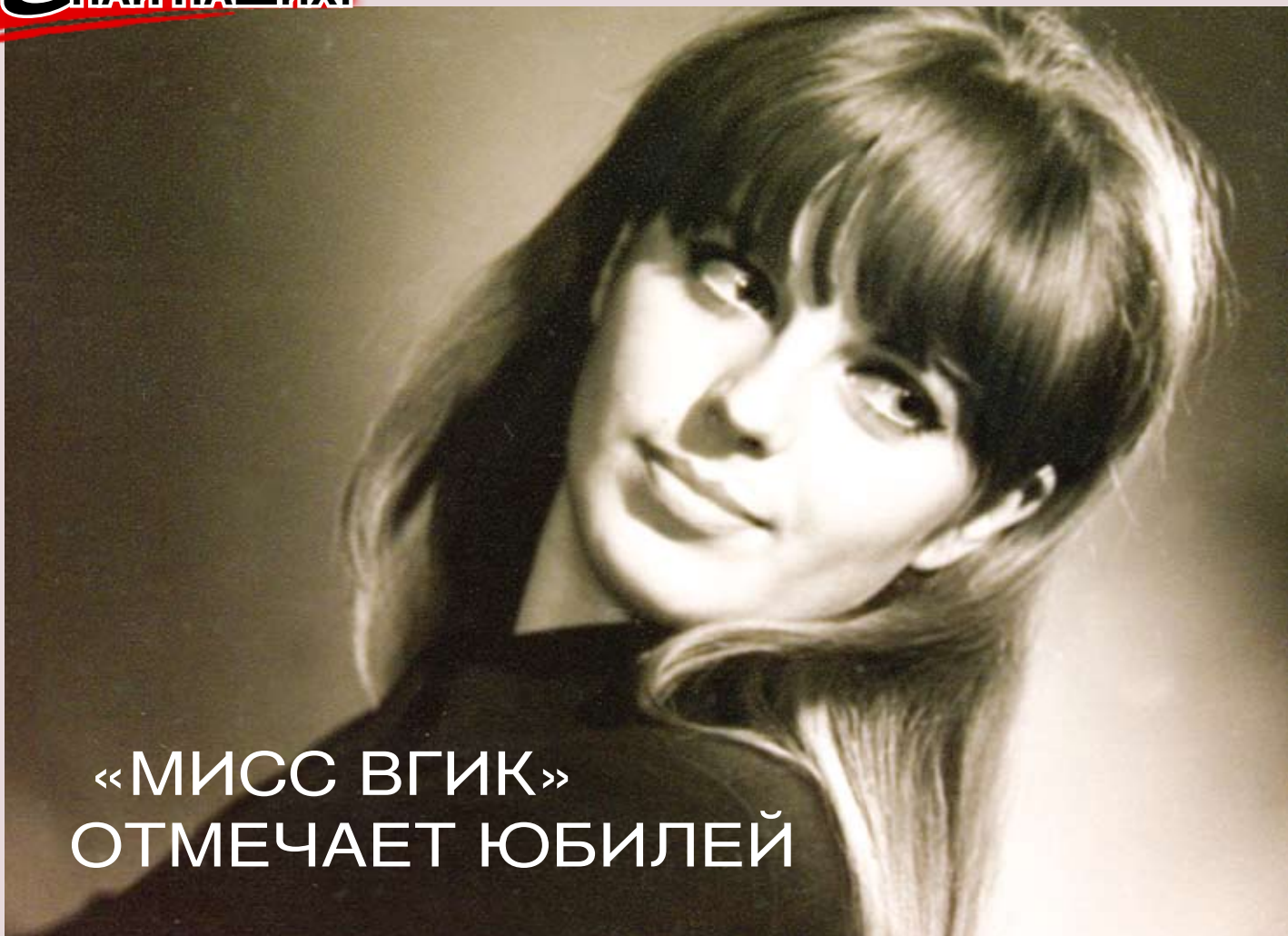
В кругу семьи

торя себе, что жить надо правильно. Мы – явление временное.

Сколько бы флагов мы не поднимали, а все равно все мы будем уходить. Без флагов. Поэтому лучше сделать то, что останется людям, – посадить дерево, спеть песню... Да мало ли хороших дел, которые можно сделать! Именно в этом – главная ценность бытия человека».

Никогда не надо спешить с определениями, и все же сам факт того, что у Грузии есть Буба, - это уже критерий, это уже моральная категория. И, что поделаешь, кого любят, с того и спросят. Кто виден, с того и требуют. Только не надо путать точку отсчета. Ведь это мы – на всю жизнь – на фоне Кикабидзе. Не будем спрашивать с него за то, что картинка иной раз дисгармонична. Может быть, спросим с себя? Может быть, попытаемся дотянуться до высокой планки Бубы? Ну, а если не получится... Что ж, Вахтанг Кикабидзе - и в самом деле человек незлобивый. Простит.

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ

«МИСС ВГИК» ОТМЕЧАЕТ ЮБИЛЕЙ

Первое мое знакомство с творчеством Людмилы Артемовой-Мгебришвили произошло намного раньше, чем личное. Это случилось давно – в 70-80-е годы, когда Люся (так называют ее близкие) предстала в замечательных спектаклях театра имени Грибоедова – «Забить Герострата», «Сон в летнюю ночь», «Сестры». Позднее появились ее Екатерина Ивановна (спектакль «Женщина» по пьесе Леонида Андреева), Она («Запасной аэродром»), Раневская («Вишневый сад»), императрица Александра Федоровна («Распутин»), Эльмира («Тартюф») и другие... Впечатления год от года все копились и копились, создавая творческий образ талантливой актрисы, которой подвластны роли разных жанров и стилей.

Своим отношением к одной из ранних работ актрисы (Ольга из спектакля «Сестры») поделилась как-то театровед Натела Урушадзе:

«Л. Артемова – мастер. Ей недостаточно быть правдивой и чистой, логичной и несущей зрителю главную мысль, даже в минуты безграничного самовыражения. Это все для нее только способ создания художественного образа. И действительно, встреча с ее Ольгой заставляет многое вспомнить. Например, очень красивое одинокое дерево во время урагана, которое вот-вот сломается. Но нет, распростертое, распластанное на земле, как будто выдернутое из земли, оно все равно живет, все равно стоит. Потому что сильнее урагана душа, несущая добро другим».

Яркие внешние данные Людмилы предполагают,

что она должна играть исключительно роли героинь и роковых женщин. В этом качестве актриса выступала не раз и весьма успешно. Вспомним ее мягкую Екатерину Ивановну – женщину разрушительных, гибельных страстей, сломленную жизнью Раневскую или горделивую красавицу Эльмиру... Но насколько беднее была бы творческая «копилка» Людмилы, если бы не такие замечательные характерные роли, как экстравагантная, элегантная Шарлотта из «Вишневого сада», пьющая Сваха из спектакля по рассказам Чехова «Жизнь прекрасна!», гротесковая героиня из «Russian блюз» («Жизнь с идиотом» В. Ерофеева). А роль порочной интриганки, графини Прасковьи Брюс в спектакле «Екатерина Великая» стала, на мой взгляд, одной из лучших в актерской карьере Людмилы – жаль, что постановку практически не видели зрители...

Вспоминаю «Тартюф». Второе объяснение Тартюфа и Эльмиры. Умная, собранная героиня Л.Мгебришвили идет ва-банк – старается усыпить бдительность Тартюфа, заставить его проявить себя. Тот слушает плутовку недоверчиво: не так-то он прост, чтобы позволить себя провести. Тартюф – В. Харютченко видит ее насквозь: «Вы не лукавите ль: как это было б больно, чтоб я от брачных уз отрекся добровольно?!» Эльмира в исполнении Людмилы красива, но цинична и порочна во всех своих поступках. Она ведет нечистую игру и связывает с Тартюфом тайные надежды. Эльмиру не устраивает брак Тартюфа с Марианной, потому что ею движет личный интерес.

А Екатерина Ивановна в исполнении Л. Мгебришвили – это воплощение «дьявольского соблазна» и одновременно глубоко несчастный человек, балансирующий на краю бездны. Вместе со своей героиней актриса проходит через ад гибельных страстей, которым она не в силах противостоять... «Прежде всего, следует отметить убедительную, точную, проникновенную игру актрисы Л. Мгебришвили в сложной и далеко не однозначной роли Екатерины Ивановны. Актриса душой и «кожей» ощущает чистоту и духовность своей героини, ее «изначальность», чудовищные «превращения» и преобразования, которые тяжким бременем пали на ее хрупкие плечи, на ее незащищенность. Сложная роль, что и говорить! В ней множество спадов и перепадов, смен настроений, смятений души, навеянных собственными непреднамеренными падениями и пониманием невозможности обретения выхода из тупика» – писала критик Этери Гугушвили.

Совсем другая – Сваха из спектакля «Жизнь прекрасна!» Тут мы можем насладиться искусством полного перевоплощения Людмилы. Актриса не жалеет красок характерности. Перед нами спивающаяся немолодая одинокая женщина, давно поставившая крест на своей личной жизни – она деловито устраивает судьбы других, чем, собственно, и живет. И вдруг, совершенно неожиданно для себя, сама становится объектом интереса для холостого мужчины. Изумлению Свахи, к которой обратились с предложением руки и сердца, нет предела...

Еще одну сваху – на этот раз грузинскую по имени Кабат – мы увидели в спектакле «Ханума». Людмиле удалось передать самую суть своей колоритной героини с Авлабара, ловкость которой явно уступает проворности соперницы – Ханумы.

Хочется вспомнить, как Людмила пришла в профессию. После школы сходу поступила во ВГИК («крестным» стал Борис Бабочкин), хотя сначала собиралась учиться на врача. Но, видно, судьба... Она же самая не позволила ей стать киноактрисой: по мнению Сергея Аполлинариевича Герасимова, причина – в ее яркой красоте (кстати, в годы учебы она была признана «мисс ВГИК»): в те времена в кинематографе были востребованы актрисы другого плана – социальные.

«Иди в театр!» – посоветовали великие педагоги. Люся так и поступила – пошла на сцену, а именно – в Тбилисский русский драматический театр имени А.С. Грибоедова. Почему именно сюда? По семейным обстоятельствам – Люся вышла замуж за тбилисца, грузина, с которым вместе училась во ВГИКе...

Я всегда отмечала в Людмиле спокойное, стоическое, философское отношение к жизненным передерягам, творческим простоям (а такие обязательно случаются в судьбе актера). Она одинаково серьезно и ответственно подходит к работе над большими, центральными ролями и так называемыми эпизодическими – например,

«Забить Герострата»

Наташи из булгаковского романа «Мастер и Маргарита». Хотя и жалеет, что не случилось в ее жизни встречи с Настасьей Филипповной, Машей из «Трех сестер», Натальей Павловной из «Месяца в деревне», шекспировской Гертрудой. Что ж, такова актерская доля: он полностью зависит от режиссерской воли, репертуара театра, да просто – удачи...

На мой взгляд, Людмила – из тех, кто может найти общий язык с любым режиссером, да и вообще – с любым человеком. Потому что умеет слушать и внимать, выдержанна и умна. И еще – приходит на помощь в тяжелую минуту, часто отбросив собственные проблемы. Это качество я оценила в полной мере совсем недавно, когда мой муж – ее коллега – попал в беду. Человека, оказавшегося в трудном положении, она окружает заботой, поддерживает, вселяет в него надежду. Способность не просто к состраданию – к деятельному участию, встречается в нашей жизни не так уж часто...

Людмила очень, если не сказать – страстно, привязана к своим внукам. Уделяет им много внимания, может часами рассказывать о них, особенностях характера, склонностях. Но при этом меньше всего походит на бабушку. Это не слова «по случаю». «Бабушка» Люся мало отличается от «мисс ВГИК» студенческих лет. В чем тайна? Тайна на то и тайна, чтобы остаться нераскрытой.

Инна БЕЗИРГАНОВА

«Рождественская сказка»

ОН НАУЧИЛ ГОРОД ПЛАВАТЬ

**ВОДНОСПОРТИВНОМУ КОМПЛЕКСУ
«ЛАГУНА ВЕРА» В ТБИЛИСИ – 30 ЛЕТ**

Из окон двухэтажного спортзала в парке физкультуры купальня была видна, как на ладони. Они смотрели свысока на этих маленьких чистоплюев, приходящих на занятия по суше, нередко с родителями. Сами «дикарями» постигали навыки плавания на Куре. Игнорируя услуги парома, заявлялись в парк, на занятия боксом, борьбой и штангой, кратчайшим водным путем и, не обсохнув, спешили к спортивным снарядам. Вова Гоиашвили недолго оставался «затворником» в зале. Оставив квадрат ринга и пневматическую грушу, пришел к крепышу со строгими глазами, который оказался душевным человеком, обучал детей плаванию и водному поло и по совместительству защищал

ватерпольные ворота на матчевых встречах городов. Может, пример Луки Александровича Иоакимиди решил выбор мальчика из Сванетисубани, только Вова скоро освоил плавание брассом, незаменимого для стража ворот. До спортивных баталий пока далеко, но он с друзьями готов драить до блеска купальню, только бы их не изгнали из приобретенного рая. На последние копейки покупали хлеб, помидоры, делегируя на «Дезертирку» самых задиристых, и, наскоро перекусив чем бог послал, снова лезли в воду. Потом этих мальчишек военной поры зачислили в команду, появилась возможность уже есть борщ на сборах.

На первые свои соревнования по водному поло в Киеве, на турнир четырех городов, добирались поездом, с ужасом наблюдая, как тают скудные запасы продуктов, выданных команде, утром проснулись чумазые от паровозного дыма, но готовые к труду и обороне. Как положено, был у них свой кумир – Како Мшвениерадзе, и жил он по соседству, на левобережье, во дворе пивзавода. Рослый парень с Плехановки, с редкой для своего возраста физической силой, стал выдающимся спортсменом. Его называли грузинским Петром Первым в водном поло и ватерпольным Пеле.

Так начинался путь в спорте Владимира Гоиашвили, с младых ногтей рассматривавшего понятие лидерства как осознанную ответственность за себя

и команду. Не выделялся среди сверстников ростом («гвардейской» была его тбилисская 22-я школа), подковы не гнул, в кулачные драки не лез, но оказался хозяйственником по призванию. Очень скоро этот его талант был замечен. В мальчишеском возрасте уже заведовал учебной частью на купальне и на строящемся зимнем бассейне в Ваке. В спорте легких путей не искал, не щадя живота своего защищал последний рубеж, самый ответственный, ворота, избираясь капитаном команды школьников, и позже – команды мастеров тбилисского «Динамо». Вспоминая середину пятидесятых, когда ватерполисты, не имея закрытого бассейна, готовились под руководством московского тренера Абрама Гильда, говорит мне: «Я форменным образом замерзал в воротах», рассказывая, какой ценной лучшей грузинской ватерпольной командой добивалась права играть в высшей лиге чемпионата страны. «По просьбе тренера я замерял температуру воды в бассейне, каждый раз набавлял от себя градус-два, дабы не пугать ребят, сам больше других страдая от холода». А у меня не выходит из памяти услышанное от Алисы Аситашвили, знаменитой нашей баскетболистки: «Нодар Гвахария и Вова Гоиашвили в пятидесятых годах возродили водное поло в Грузии». Будучи сама на первых ролях в большом спорте, членом сборной Советского Союза и двукратной чемпионкой Европы, она лучше других знала, когда и где ее супруг вырос в ватерполиста экстра-класса.

Через год они играли на I Спартакиаде народов СССР (1956) вместе с вернувшимся из Москвы Нодаром Гвахария. Сборная Грузия стала тогда второй, вслед за москвичами.

В конце шестидесятых грузинские ватерполисты встречались с многократным чемпионом Венгрии клубом «Дожа». В июльском матче, выигранном тби-

лисами 9:7, в воротах хозяев стоял Гоиашвили, заменивший заболевшего Лери Гоголадзе. В ответных матчах на венгерской воде мой собеседник, судья международной категории, был арбитром. Тот памятный сезон защищал ворота тбилисского «Буревестника», добившегося перехода в высшую лигу.

Наш рассказ о Владимире Гоиашвили, этой одной из самых знаковых фигур в грузинском спорте, будет неполным без упоминания об истории создания водноспортивного комплекса «Лагуна Вера», принявшего 30 лет назад первого посетителя. Их число давно перевалило за десять миллионов. «Мы обучили плаванию, по самым скромным подсчетам, более миллиона детей, пропуская через голубые дорожки по 700-800 человек в день», – говорит бессменный директор «Лагуны» – этого благословенного и «непотопляемого» очага здоровья.

У руля его стоит как капитан, уверенно ведущий этот первостепенной важности объект в бурном море обвалившейся системы, потери источников финансирования и захлестнувшего нигилизма. В условиях, когда тебе не отпущено ни минуты на утрату чувства ответственности, когда доверено самое ценное – жизни людей, в большинстве своем детей. И здесь не может быть места

Два друга - два вратаря: Г.Харевов и В.Гоиашвили. 1954

расхлябанности, нарушениям порядка. Этот на удивление энергичный и доброжелательный человек становится жестким и неуступчивым к тем, кто предаст дело, которому служит. При мне распекал стайку девушек, ввалившихся в раздевалку без бахил прямо с улицы.

В чем секрет, из каких неисощимых источников черпают силы и уверенность Гоиашвили и его единомышленники этого коллектива профессионалов? «Школа Сихарулидзе», – коротко объяснил он мне как-то, вспоминая начало семидесятых, когда тогдашний председатель Спорткомитета Грузии предложил ему работу в аппарате – курировать плавание, водное поло, прыжки в воду. Гоиашвили поначалу сгоряча отказался от лестного предложения. Дескать, не

Владимир Гоиашвили

приучен к кабинетной работе. И услышал в ответ: «Я тебя не из хинкальной забираю».

Так пришел он в коллектив профессионалов высочайшей квалификации, ковавших победы грузинского спорта, и сегодня памятных и легендарных. Вахтанг Кухианидзе, Аркадий Архангельский, Серго Джаиани, Георгий Гачечиладзе, Шота Ахвледиани... Работа с ними рядом, обмен ценным опытом, щедростью общения. Огромная школа хозяйствования, работа с людьми, давшая лично ему знаний больше Грузинского политехнического, Института физической культуры.

И над всеми возвышалась личность самого Георгия Васильевича Сихарулидзе, знавшего поименно спортсменов даже средней руки, их радости и заботы, готового отложить все дела и поспешить на помощь... Выбивать в Сухуми квартиру для Виктора Санеева и его матери, Ксении Алексеевны. На III Спартакиаде народов СССР (1963) в какие-то августовские дни не

выполнить все работы как можно качественнее. Целая эпопея с привлечением почти всех строительных и ремонтно-строительных организаций Тбилиси, студентов-инфизкультуровцев, сборных команд, прибывавших соревноваться. Он до хрипоты спорил с автором проекта архитектором Шота Кавлашвили, убеждая менять то, что с годами морально устарело, добиваясь использовать пустующие подтрибунные площади под гостиничные комнаты для спортсменов, где сегодня работают тренажерные залы. Вместе с такими же энтузиастами, как сам, вложил в это важное дело все силы и знания, стоял у колыбели и «полуживого» вынянчил и вырастил, довел до кондиции чудо-богатыря, удостоенного Государственной премии Совета Министров СССР.

Вова Гоиашвили самолично снял свою кандидатуру, а потом доказывал уникальность объекта наезжающим из центра комиссиям, у которых рождался естественный вопрос, почему среди 11 соискателей престижной премии (и получивших ее!) нет того, кому он был обязан жизнью. Премию раздали кому положено, но главное - признание методов их хозяйствования - пришло, как и победа в смотре лучших плавательных бассейнов Советского Союза.

И еще с несколькими крупными достижениями грузинского спорта связывают его имя, бывшего восемь лет (два срока) президентом Федерации водных видов спорта Грузии. Выполнение этих обязанностей в условиях, когда приходится держать на плаву огромный цех здоровья, выдавать исправно зарплату сотне сотрудников, специалистам трудового коллектива – задача не для слабых духом.

Водноспортивный комплекс «Лагуна Вера», а в недавнем прошлом имени Ленинского комсомола, – известна точная дата его рождения – 13 октября 1978 года – обучил и продолжает обу-

Американская пловчиха Линда Кок, первая женщина, переплывшая Берингов пролив, в Тбилиси

заладилась у грузинской делегации. И вдруг новость: «Сихарулидзе приехал!» Уже большой к тому времени, Георгий Васильевич провел совещание. И пошли у нас дела в одном виде спорта, втором, третьем... Ватерполисты играли за третье место с украинцами и, проигрывая 0:3, сумели вырвать победу – 4:3. Такой был настрой, так много значило данное Сихарулидзе слово.

Из Спорткомитета Вова ушел не по своей воле. Новый председатель сказал коротко и жестко: «Есть мнение перевести тебя в Управление капитального строительства Тбилгорисполкома». Решение на первых порах обескуражило. Но нет худа без добра. Он стал специалистом на строительстве Центрального водноспортивного комплекса, уникального объекта, начатого в 1961 году, а через три года законсервированного на долгие одиннадцать лет. Большое дерево выросло на забытой стройке! Было огромное желание

Приз - победительнице

чать плаванию четыре поколения тбилисцев!

Сегодня Владимир Александрович называет своих друзей и помощников, тех, кто продолжали выполнять свой долг и в трагические дни, когда на проспекте Руставели гремели выстрелы, шла трудно объяснимая братоубийственная война. Утром 2 января 1991 года пришли к ним на занятия дети, с удивлением глядя на не скрывающих слезы наставников – учебный процесс продолжался.

Как десятилетиями поддерживать репутацию комплекса, гиганта по своим габаритам и числу добрых дел, не расплескать навыки хозяйствования и чемпионские

сборную СССР. На ее примере, на совместных тренировках выросли в Грузии мастера синхронного плавания и лучшая среди них – чемпионка Европы, участница Олимпийских игр Христина Фаласиниди. Комплекс – объект их заботы и труда был официально утвержден базой олимпийской подготовки.

Двенадцать лет подряд он принимал традиционный международный турнир по водному поло на приз Союза журналистов Грузии – сборные Греции, Венгрии, Югославии, Испании, Австралии... На его базе выросли мастера международного класса по прыжкам в воду с вышки: бронзовый призер Московской олимпиады Ли-

Тбилисская «Иверия». Первые чемпионки СССР по водному поло. Запорожье, 1989

традиции? Как оценить вклад людей, которые десятилетия стояли и стоят во главе этого великого дела? Мы вспомнили миллион детей, обученных здесь плаванию. Их большинство – воспитанники Русудан Гочиташвили и Марины Ломидзе-Мачарадзе, чей общий тренерский стаж немногим меньше шестидесяти лет.

Говоря о Вове Гоиашвили, как не вспомнить первую женскую ватерпольную команду. Он увидел, как играют женщины в поло на европейском первенстве в Риме – на высоких скоростях, тактически разнообразно, не избегая единоборства и, владея мячом обеими руками, и решил вдохнуть жизнь в эту идею, в свое время подхваченную в «Гантиади», а потом забытую. Начинать работать с командой он, а после него – Борис Мегедь и Зураб Чачава с Важа Чертокоевым. В 1989 году тбилисская «Иверия» выиграла первый женский чемпионат СССР по водному поло.

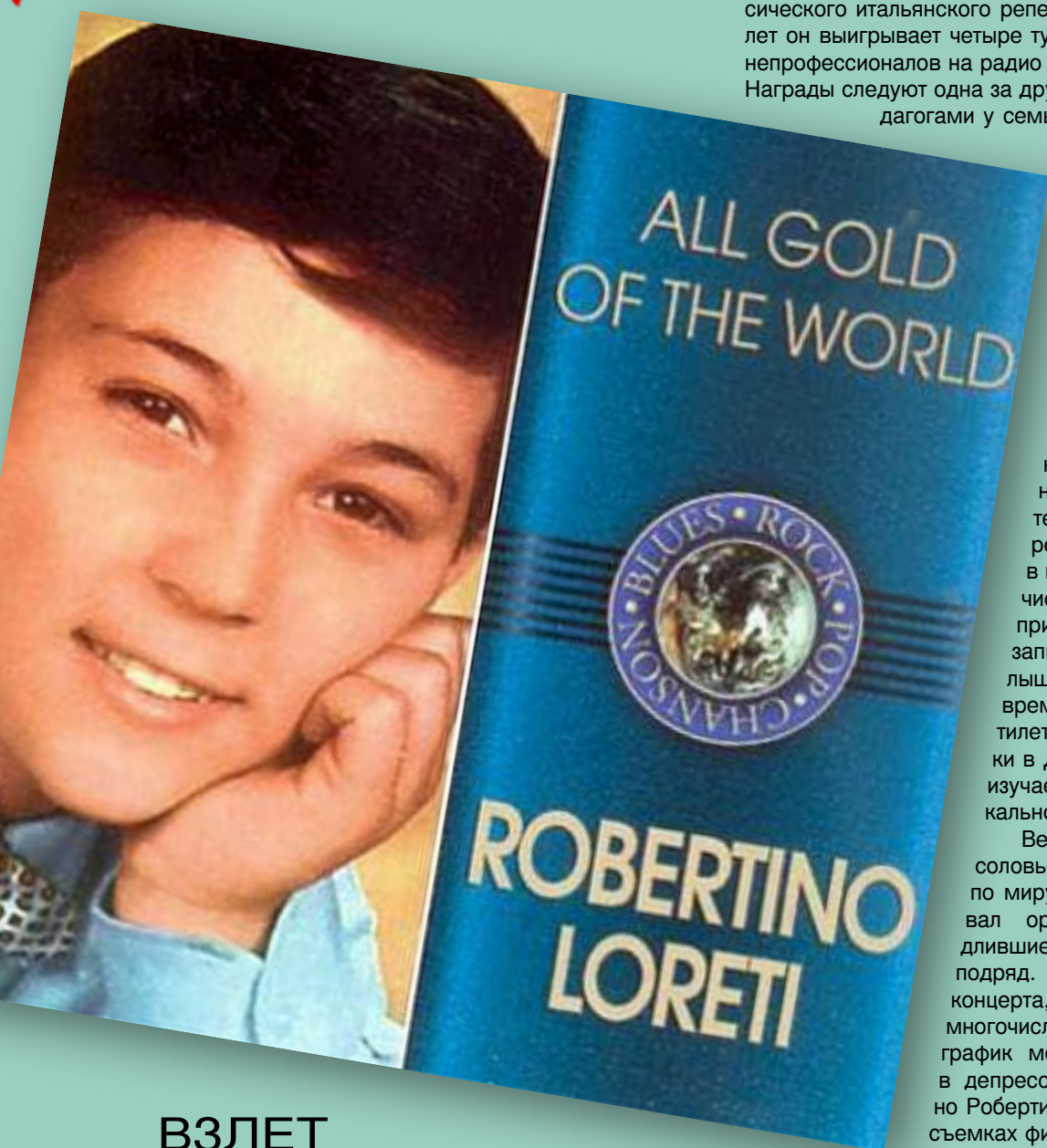
Опять же по предложению Гоиашвили, вопреки мнению скептиков, в Тбилиси начали осваивать синхронное плавание. Своих специалистов не было, приглашали

на Цотадзе, двукратный чемпион Европы, участник двух Олимпиад – в Сеуле и Барселоне, Георгий Чоговадзе, победитель и призер крупных турниров Сергей Шалибашвили...

Живет и работает в Тбилиси неравнодушный человек Владимир Александрович Гоиашвили, с именем которого связаны самые громкие, легендарные страницы грузинского спорта. Делает на своем многотрудном посту директора по спортивно-оздоровительной работе все возможное и невозможное. Горячится, когда сталкивается с фактами отсутствия должной заботы о спорте, о детском спорте, заинтересованного подхода к делу охраны здоровья населения, сохранения генофонда. И так же быстро отходит, веря в лучшее будущее. Общается как равный с самыми титулованными спортсменами, оставаясь любимым и уважаемым ими.

Твердо стоит на страже порядка, как тогда в былые времена – на последней черте ворот.

Арсен ЕРЕМЯН

ВЗЛЕТ ИТАЛЬЯНСКОГО СОЛОВЬЯ

Страна, подарившая миру Вивальди, Паганини, Верди, в которой родились и творили Энрико Карузо, Беньямино Джильи и Марио Ланца и появился феномен неаполитанской песни, не могла не удивить мир еще раз.

В 1960 году в Риме проходили Олимпийские игры. Рабочая семья Лорети, проводящая каждый вечер маленького Робертино в кафе «Гранд Италия» зарабатывать на хлеб, никак не ожидала, что в те летние дни он станет не менее популярным, чем герои Олимпиады. Очень скоро его назовут самым популярным эстрадным певцом, да к тому же, с самыми высокими гоно-

рамами в мире.

В четыре года уже пел все, что слышал дома и на улице – эстрадные песни, арии из опер, песни из классического итальянского репертуара. Через несколько лет он выигрывает четыре тура конкурса вокалистов-непрофессионалов на радио и получает главный приз. Награды следуют одна за другой, но для занятий с педагогами у семьи нет денег, и он совершенствуется самостоятельно.

В восемь лет он солист хора Римского оперного театра. В семье Орландо и Чесиры Лорети Робертино пятый ребенок. Родители его таланту не удивлялись, ведь в Италии поют все.

И вот, во время Олимпиады мальчика в кафе услышал музыкальный редактор датского телевидения Вольмер Соренсен. Мальчик приводил в восторг своим красивым, чистым и сильным голосом присутствующих. Датчанин записывает «золотое горлышко» и спустя некоторое время приглашает двенадцатилетнего Робертино на съемки в Данию. В Копенгагене он изучает теорию музыки и вокального мастерства.

Весть об итальянском чудесоловье мгновенно разнеслась по миру. Импресарио еле успевал организовывать гастрольные туры, длившиеся несколько месяцев подряд. В день были по два-три концерта, съемки в кино и на ТВ, многочисленные интервью... Этот график мог сломать и свергнуть в депрессию взрослого человека, но Робертино держался. Однако на съемках фильма в Австрии заболел. Из-за небрежности медиков, здоровье ребенка осложнилось, но его удалось спасти. В то же время у него началась мутация голоса. Импресарио Сигвальда Ларсона обвиняли в эксплуатации ребенка. Датские и другие европейские специалисты советовали подождать с выступлениями, чтобы у Робертино сохранился тенор. Ларсон отвечал, что ему нужен не тенор, а эстрадный певец.

Со всего мира в Рим шли многочисленные послания. Ежедневно из СССР он получал две тысячи писем. Сказать, что в СССР его любили – недостаточно. Этот «маленький Джильи» тогда был близок каждой советской семье. В Советском Союзе история ломки голоса Робертино, наверное, уступала в рейтинге лишь событиям вокруг Карибского кризиса. Просматривая вырезки из газет тех лет, читаю: «В конце декабря 1962 года Робертино делает первую осторожную попытку спеть... Врачи выносят заключение – надо подождать».

Сказать, что в СССР его любили – недостаточно. Этот «маленький Джильи» тогда был близок каждой советской семье. В Советском Союзе история ломки голоса Робертино, наверное, уступала в рейтинге лишь событиям вокруг Карибского кризиса. Просматривая вырезки из газет тех лет, читаю: «В конце декабря 1962 года Робертино делает первую осторожную попытку спеть... Врачи выносят заключение – надо подождать».

Роберто Лорети и Миранда Оганезова

Недавно корреспондент ТАСС в Дании Александр Павлов сообщил, что копенгагенская музыкальная компания «Триола» выпускает грампластинки с первыми двумя песнями, исполненными Робертино-юношей. Голос у Робертино стал более глубоким, мужественным».

Несмотря на то, что Робертино Лорети не гастролировал в СССР и не получал гонорара от проданных пластинок, он не оставлял без внимания любовь к нему миллионов людей. Он шлет на Всесоюзное радио письмо следующего содержания: «Я пишу это письмо с большим энтузиазмом. Прежде всего, я хотел бы поблагодарить весь советский народ, который с такой симпатией следит за моими выступлениями. Я глубоко тронут этим вниманием и не знаю, как мне выразить свою благодарность».

Про СССР он много слышал от своего отца-коммуниста, который мечтал посетить эту страну. Несмотря на то, что синьор Роберто Лорети далек от политики, он свободно говорит о взглядах своего отца. В Италии этим никого не удивишь. Сегодня в центре Европы президент страны – член бывшей Коммунистической партии Италии Джорджо Наполитано, а итальянский принц Эммануил Филиберто Савойский женился на дочери французского коммуниста. Это на постсоветском пространстве можно встретить комфортно живших в Советском Союзе людей, а ныне занявших уже более выгодную позицию и целыми семьями трансформировались в ярких демократов.

Роберто Лорети очень открытая и прямая личность.

В этом можно было убедиться во время его гастролей в Тбилиси в конце 1999 года. В Грузию он приехал вместе с американским импресарио, выходцем из Одессы Полом Давидовским. Певец сотрудничает с ним с 1989 года, после того, как по приглашению Михаила Горбачева, посетил СССР.

В Тбилиси он спел все свои любимые хиты. После концерта восторженные зрители просили певца прослушать их детей. Лорети, видя насколько это важно для них, проникся пониманием. Он терпеливо слушал и оценивал юные дарования. Здесь он нашел и своего двойника – Георгия Андгуладзе. По словам певца, у него не только красивый голос, но и внешне похож на Робертино-ребенка.

В Грузии итальянского артиста по-прежнему помнят. Во время концерта перед зданием Театра оперы и балета в надежде услышать голос Лорети долго стояли оставшиеся без билетов преданные почитатели его таланта. «Это же раз в жизни бывает», – говорили женщины, молодость которых совпала с появлением чудо-соловья.

На сцену Лорети вернулся в 1982 году, после десятилетнего перерыва. Правда, выступает не так часто, как прежде. Он гастролирует в Европе, Америке... Естественно, его приглашают и в бывшие союзные республики, чаще всего в Россию. У него красивый тенор с широким диапазоном. Он устал оттого, что его постоянно сравнивают с юным Робертино, и успокаивает поклонников тем, что, быть может, в будущем мир услышит нового, другого Лорети. Его сыну от второго брака Лоренцо 16 лет и отец утверждает, что у него необыкновенный голос.

В одно время певец вместе с другими членами семьи занимался ресторанным бизнесом. Хотя эта сфера деятельности недолго его интересовала. В течение многих лет разводит породистых лошадей. «Естественно, лошади для меня ассоциируются не только со скачками и победами. Лошади – это моя жизнь. В свободное от выступлений время, меня можно встретить в конюшне. У меня 12 скакунов. Пять из них нередко побеждают на соревнованиях», – говорит в беседе с нами Роберто Лорети. Может показаться странным, но певец, в отличие от большинства итальянцев, которые чуть ли ни с рождения, надевают на детей футболки, больше любит бокс. Лорети живет в районе, называемом итальянским Беверли-Хиллз, по соседству с известными итальянскими артистами. Иногда встречается со своими старыми друзьями, среди которых и Адриано Челентано. Актера считают нелегким в общении, однако к Роберто он относится с большой симпатией. При встрече они обычно меряются силой в армрестлинге, и победителем чаще выходит Лорети.

Мы поинтересовались у певца, есть ли в Риме то кафе, откуда все и началось. Кафе открыто и сегодня – «Гранд Италия» находится на одной из самых больших площадей Рима, в исторической части столицы, где гармонично сочетаются с окружающим пейзажем вековые достижения итальянских мастеров. Правда, сегодня это место уже не настолько популярно, как в 60-е годы. Тогда это было одним из любимых мест влиятельных людей. И вы, конечно, не удивитесь, когда, проходя мимо «Гранд Италии», из открытых окон вы услышите прекрасное «О, соле мио-о-о!»

Миранда ОГАНЕЗОВА

МОСТ ЧЕРЕЗ ВЕКА

Генриетта Юстинская - выпускница Тбилисской Академии художеств

На открытии выставки. Директор музейного комплекса "Вавель" Ежи Петрус

В центре древнего Кракова в выставочном зале «Дома Полонии» весь сентябрь проходила персональная выставка работ заслуженного художника Грузии, профессора Генриетты Юстинской при поддержке Сената Польши и городского совета. Художница показала только одно из множества своих лиц – 42 живописных и графических работы.

Выставка задумывалась год назад, но открытие пришлось на те сентябрьские дни, когда тема Грузии звучала повсюду.

Залитые лучами солнца грузинские пейзажи ослепляли своей жизнерадостностью.

Багрец и золото осени рассыпано у подножия древних исполинов гор. Они вибрируют на полотнах – то исчезнут в сиреневой дымке, то растекаются в долину фиолетовым туманом или вдруг уплывут в бирюзовую даль. Перед нами бесконечный процесс созидания Кавказа, не знающий мирской суеты.

Взяв зрителя за руку, художница приводит его в свой родной Тбилиси. Но, испугавшись, что тот может не

оценить расхожий мотив старого города, находит новый прием.

Таким могла бы увидеть Тифлис реальная женщина, одна из самых обаятельных женщин Европы, трагически погибшая Дагна Пржыбышевская, жена и муза известного польского писателя Станислава Пржыбышевского. Этот тбилисский пейзаж на картине, возможно, последнее, что видела Дагна. Розовым туманом поплыл он в затухающих глазах молодой женщины.

Юстинская истинно грузинский художник. Все ее натюрморты по пластике линий кувшинов и корзин для винограда, по набору фруктов и цветов, очень национальны. Дрожащие лепестки сиреневатых хризантем рядом с бурыми пожухшими колючками. Айва и гранаты уже налились соком. Бархатные гладиолусы своей звенящей свежестью усиливают блеск медной вазы, а фарфоровая чашка рядом уже полна ароматом цветов. Все это - настоящая тбилисская осень. Но художнице этого мало, она желает увидеть и описать душу цветка. Ее полотно об этом. По спирали проникает наш глаз внутрь цветка, постигает краски его души и, как флакон духов, открывает тайник, где возникают ароматы.

Экспозиция зрелого художника особенно интересна тем, что показывает диапазон возможностей. От академических портретов пожилых, умудренных жизнью людей до любования женской красотой в обнаженной натуре.

Ей ли не знать, как трудно в современном мире хаоса и повального прагматизма. Что стало с женской красотой, ее желаниями и любовью? Этой теме посвящена целая графическая серия. Очевидно, что красота стала иной.

Живописные работы Юстинской интересны еще и тем, что становится очевидным – цвет имеет национальность.

Специалисты утверждают, что у основного колокола собора Святой Троицы грузинский звук. Точно так, на грузинских полотнах пани Генриетты - польский, ну, может быть, славянский цвет. В нем что-то есенинско-

левитановское и еще что-то совсем свое, что видится только ее внутренним взором. Она дарит зрителям совсем иную Грузию.

Мы сидим в уютном кафе в Сололаки. Художница рассказывает о древнем Кракове, о его выставочных залах и современных тенденциях в искусстве, а я уюта радкой ее рассматриваю. Каштановые волосы, светлая кожа, тихая осторожная речь, огромный лимонный янтарь кулона, который неминуемо приведет нас к воспоминаниям о Риге, и тревожные глаза. На первый взгляд женщина, опасаящаяся реальности. В действительности за внешней беззащитностью угадывается сильная и яркая личность.

Хрупкая полька стала грузинским монументалистом. Не парадокс ли это?

Отнюдь нет. Грузинская культурная почва веками питала и взращивала польских художников. Все они были потомками сосланных на Кавказ бунтовщиков, нашедших в Грузии понимание, поддержку и душевное тепло. Генетическая память, петербургская академическая школа и любовь к грузинской земле помогли художникам состояться, стать частью грузинской культуры и одаривать родину богатством своего таланта.

Генриэтта Юстинская – одна из них. Она тоже внучка участника польского восстания, сосланного на Кавказ, но волею судеб оказавшегося в Батуми. Здесь на берегу моря, в семье, говорившей на польском языке, сохранившей веру и традиции, прошло детство будущей художницы. Потом была Тбилисская Академия художеств, блестящие педагоги и сложный творческий путь, длиною в жизнь.

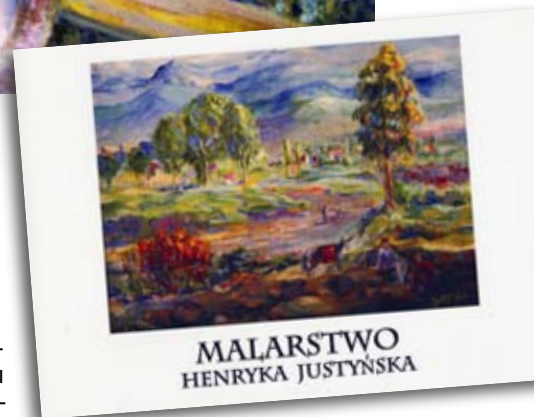
Во второй половине XX века новая архитектура с ее гладкими большими плоскостями – бетонными и стеклянными – призвали к жизни новое монументальное искусство – огромные витражи, мозаики, гобелены для интерьеров, эмалевые панно.

Тридцать лет жизни художницы были отданы этому направлению. Каждое из них потребовало освоения сложнейшей техники витража, мозаики, металлопластики, стекловарения, перегородчатых и расписных эмалей, ткачества.

По всей огромной стране пришлось искать стекловые заводы, где бы выплавляли стекла нужных оттенков и фактуры. Дорога поиска научила многому. Высочайшая культура стекловарения позволяла воспроизводить все нюансы оттенков, которые виделись внутреннему взору художницы. Были созданы монументальные витражи: «Черное море» в Пицунде, «Грузинский пейзаж» под Москвой, а еще витражи в Баку, Марнеули, Солнечногорске...

Что стало с ее работами художнице неизвестно. Где-то была война, перестройка и разруха. Думать о судьбе новых произведений искусства очень грустно. Как правило, они попадают в руки нуворишей. Один из последних крупных гобеленов художницы приобрел владелец тбилисского кафе. Пару лет он украшал всю стену, и художница с удовольствием водила туда на чашку кофе гостей и друзей. В один день гобелен исчез. «Он запылится, жена решила постирать», – сказал владелец кафе. Бывший начальник таможи искренне считал, что жене виднее. После стирки гобелена, увы, не стало.

Гораздо печальнее, что в процессе закрытия отделения монументального искусства архитектурного факультета Тбилисской академии художеств, на котором 23 года преподавала пани Генриэтта. Выпустила десятки дипломников и несколько аспирантов. Большинство из выпускников, к сожалению, уехали за границу. С 2004 года закрыта «Голубая галерея», в которой могли бесплатно выставляться художники, члены СХ Грузии. Теперь день выставки в частных галереях стоит больших денег. Умирает академическая школа!

«Академия должна научить художника быть профессионалом», – рассказывает о своих краковских впечатлениях Юстинская. – Европа вновь возвращается к реализму. Созданные в последние годы новые работы польских художников это подтверждают – они выполнены в реалистической манере и хранятся в Государственном национальном музее Кракова. В Грузии люди рождаются с чувством цвета! Но в последнее время этот дар исчезает».

Сегодня людям искусства живется совсем не просто, но разносторонность художницы позволяет ей легко менять жанры. Рисует, пишет и издает научные книги по разным направлениям грузинского искусства, монографию «Генрик Гриневский». Годами собирает работы польских художников в Грузии, изучает их судьбы, восстанавливает правду. Как стеклышко чистого тона к стеклышку создает витражи-выставки уникальных работ польских художников. Наслаждается впечатлением, которое они производят собранные воедино. Польский гимн Грузии.

В прошлом году за книгу «Польские художники в Грузии» президент Польши наградила Генриетту Юстинскую «Золотым крестом заслуги».

Создано уникальное сооружение – прекрасный мост, перекинутый из Грузии в Польшу через века.

Ирина МАСТИЦКАЯ

Помнишь, мы говорили, как называли октябрь наши предки — листопадником? А знаешь, что и ноябрь имел такое название — листопад. Листья-то продолжают падать. И как красива осень в золотых коврах из листьев. В ноябре крестьяне молотили, готовили избу, хозяйство к зиме. «Кто пораньше встанет, тот грибки себе берет, а сонливый да ленивый идут после за крапивой». Народ всегда был трудолюбив, смекалист. Не то что ленивые богачи, жившие за его счет. Все это отражено в сказке, которую вы сейчас услышите.

КАК БАРИН СОБАКОЙ БРЕХАЛ

В старые времена были крепостные у барина. Барин очень злой был. Что ни так, что ни этак, все не по нему — житья не дает никому. Порол мужиков, ругался, над всеми измывался. Одним словом — сердитый барин.

Раз пришел на подворье мужичок по барскому приказу. А у барина собака была, да такая злая, что под стать своему хозяину. Стала собака на мужика брехать, за ногу его хватать. Рассердился мужичок, взял палку и ударил по носу собаку. Та сразу околела.

Барин до того рассвирепел, что и сказать нельзя. Берет мужичка и ведет в суд.

Известно, подьячий любит калач горячий. Барин в суд ногой, а в карман рукой.

Выслушали судьи барский гнев и спрашивают:

- Что тебе любо над мужиком сделать?

- Желая я, — говорит барин, — чтобы он у меня вместо собаки был, добро мое стерег и по-собачьи брехал.

Судьи так и присудили: быть мужику барской собакой, словами впредь не говорить, а только по-собачьи брехать.

Мужику приказа ослушаться нельзя. Стал он вроде собаки брехать, добро барское охранять.

Год на барском подворье брешет, два брешет, жена с дочкой дома не евши сидят. Барину до этого дела нет.

Надумал мужичок подговорить соседей барскую кладовую взломать, барина наказать.

- Я, — говорит, — буду погромче брехать, а вы — замки снимать.

Ладно. Сказано — сделано. Приехали ночью мужики, стали замки ломать, барское добро выносить. А мужичок под окнами у барина брехать да вить. Будто изо всех сил барский приказ выполняет. Побрешет, побрешет, да еще и повоет.

Доволен барин.

- Бреши громче! — приказывает.

Ну, тот и брешет, и брешет.

Встал наутро барин, а его обворовали. Еще пуще освирепел. Стал всех бранить да колотить. Мужичку больше всех досталось.

Повел его барин опять в суд.

А судьи прослышали, что барина обокрали. Нечего от него теперь поживы ждать: когда карман сух, то и судья глух.

Спрашивают судьи:

- А что, когда воровали, брехал мужичок или нет?

- Не только брехал, — говорит барин, — даже выл.

У меня строго — раз приставлен брехать, так бреши!

Судьи говорят:

- Для того и собаку держат, чтобы она брехала. Стало быть, мужичок в точности исполняет, что мы ему тог-

да присудили. Собака как есть настоящая — и брешет, и воет. А уж дело хозяина, когда собака брешет, выйти да посмотреть. Собака не виновата.

«Ну, — думает барин, — неверно они на этот раз присудили. Поеду в столицу, там судьи очень строги, пускай они присудят».

Вот поехал барин с мужичком в столицу. А ехать долго, да все лесом.

Ехали-ехали. Смерклось. Ночь настала.

Пригнулся мужичок, посмотрел вперед и говорит:

- Барин, а барин! Кажись, медведь навстречу идет.

Испугался барин.

- Что же нам, — говорит, — делать?

Мужичок отвечает:

- Слышал я, что медведи собачьего лая дюже боятся.

- Бреши, мужичок!

— приказывает барин.

— Бреши, да погромче!

- Нет, барин, я под судом, мне брехать теперь никак нельзя.

Опять пригнулся мужичок и говорит:

- Барин, а барин! Он ближе подходит, вот-вот до нас доберется.

Барин еще пуще перепугался:

- Выручай, мужичок!

Научи, что делать!..

- Не миновать тебе, барин, собакой брехать.

«Ладно, — думает барин, — была не была. Побрешу, авось жив останусь».

Встал на четвереньки и начал собакой брехать.

- Да ты, барин, — говорит мужичок, — пуще брещи. Нешто так медведя проймешь?

Барин брешет, изо всех сил старается.

- Пуще, пуще, барин, брещи! Побрещи, побрещи, да повой!

И брешет барин, и воет, а сам думает: «Лишь бы живым остаться».

Краснеть начал от натуги, глаза навывкат пошли. Пена изо рта. Из последних сил выбивается, а все брешет.

Вот подъезжают они, а это поперек дороги сосна. Мужичок и говорит:

- Барин, ошиблись мы с тобой. Это сосна, а не медведь. Так что ты зря брехал-то.

Тут барин в себя пришел. Страсть, как ему стыдно стало.

Не поехал на суд, назад повернул.

- Я тебя прощу, — говорит мужичку, — только ты

никому не сказывай, как я собакой брехал. А то засмеют...

- Нет, — говорит мужичок, — этого, барин, мало.

- Я тебя хлебом награжу, помещьем наделю!

- И этого, барин, мало!

Не сладились они. Барин сердает, а мужичок на воле гуляет. Всем рассказывает, как барин собакой брехал.

Барин из своего поместья убежал. Мужички вольными стали. Живут-поживают, добра наживают.

Вот такая сказочка. Народ говорил: «Всякий барин свою милость хвалит, а нашу услугу ни во что не ставит». Или: «Не тягайся с богатым, не борись с сильным: коза с волком тягалась, да шкура осталась».

И все же смекалистый бедный мужик в сказках, отражая мечты простых крестьян, часто оставлял в дураках глупого жадного богача-барина. Так произошло и в этой сказке. Хотя народ всегда помнил по опыту: «Господин, что плотник: что захочет, то и вырубит».

БАБУШКА ДАРЬЮШКА

Елена Блаватская

ВЕЧНЫЙ ОРЕОЛ ЗАГАДОЧНОСТИ

Елена Блаватская была нашей родственницей – двоюродной бабушкой моей бабушки с материнской стороны – Варвары Ярмаховой. В детстве бабушка и мама мне рассказывали об этой необыкновенной женщине, о духовной силе и феномене ясновидения и телепатии. У бабушки Варвары долгое время хранилась цилиндрическая печатка III в. до н.э. с изображениями божеств на троне, орла и астральными знаками, древами жизни, алтаря с дарами, царя и прислуги. Этой вещью бабушка особенно дорожила – подарила ей Елена Блаватская. В нашей семье ее имя произносилось с большим уважением. Однажды мама многозначительно сказала мне: «Детка, если у тебя проявятся какие-нибудь странности (телепатия или дар ясновидения), то не удивляйся и не пугайся, в тебе тоже есть частичка крови Блаватской!»

Я слышал от моей матери Нины Бендукидзе будто бы Блаватская неким внутренним видением (ин-

туитивно) смогла прочесть и обнаружить какую-то сокровенную книгу, хранящуюся в Потале (г.Лхаса, Тибет), куда доступ европейцам был строжайшим образом запрещен. Мать уверяла меня, что впоследствии текст этой книги был подтвержден находкой книги аналогичного содержания в одной из библиотек Европы. По некоторым сведениям, это было своеобразное Священное Писание древнейшей религии тибетцев – бонбо, заключавшее в себе также сведения о таинственной Шамбале или Шангри-ла (на тибетском языке запретная или священная страна). Этот термин перешел впоследствии в ламаизм (тибетский буддизм).

Сегодня редко кто вспоминает о Елене Петровне Блаватской, духовной просветительнице, основателю мирового теософского общества. Даже адепты антропософии, которая вышла из недр теософии, предпочитают не говорить о ней. Между тем было время, когда это имя было у всех на слуху.

Так кто же такая была знаменитая Радда Бай? Она серьезно занималась оккультизмом и эзотерикой (Скрытые знания), достигла больших успехов в своей деятельности, изучала философские системы Востока, много путешествовала, занималась историей погибших цивилизаций. О широте ее интересов свидетельствуют 12 томов собрания сочинений, где рассматриваются вопросы эволюции органического мира, происхождения человека, расообразования...

Блаватская оказала большое духовное и идейное влияние на Циолковского, Эдисона, Скрябина, Л.Толстого, Чюрлениса, Рериха, Волошина, Ганди и Неру.

Но как обычно бывает, оценка ее деятельности была неоднозначна и сопровождалась различными суждениями. Часть современников считала, что она обладала сверхъестественной силой и особой способностью к оккультной практике в эзотерической сфере. Однако другие называли ее шарлатанкой, пользовавшейся доверием легковверных людей. Эту нелестную оценку дает ее двоюродный брат Сергей Юльевич Витте, всесильный министр императорского двора. Однако, он же отмечает в ее внешности нечто демоническое, колдовское. Людей привлекал ее огромный энергетический душевный заряд.

Сообщаю некоторые подробности из генеалогической схемы, которую по просьбе моего дяди Отара (Павла) Бендукидзе составил в свое время профессор ТГУ Константин Герасимов.

Елена Петровна Блаватская (в девичестве Елена Ган) родилась 31 июля 1831 года в Екатеринославе. Отец, Петр Алексеевич Ган, служил в русской армии и был полковником, командиром батареи конной артиллерии. Мать, Елена Андреевна Фадеева – известная по тем временам писатель-романист (Белинский даже назвал ее русской Жорж Санд). Бабушка со

стороны матери была княгиня Елена Павловна Долгорукая.

С материнской стороны род Блаватской восходит к Рюриковичам, в то время, как предки отца относились к графскому роду Ган фон Роттенштерн, происходившему из Мекленбурга. Рано осиротевшая Елена воспитывалась у родственников матери – Фадеевых (ее дед, генерал Андрей Михайлович Фадеев был начальником управления имуществом наместника Кавказа и членом Главного совета управления Кавказа).

Елена с детства удивляла своим незаурядным умом и способностями (особенно к изучению языков), а также необыкновенным своеобразием и любовью к независимости. Здесь следует вспомнить среду, в которой она росла и воспитывалась. Принадлежность к высшему свету и прекрасное образование предопределили судьбу девушки. Как бы то ни было, в конце концов, она достигла такого положения и признания, что с ней считались многие влиятельные люди и ученые во всем мире, даже на Востоке, где женщина никогда не принималась всерьез в практике различных направлений духовного совершенствования. Таким образом, Елена Блаватская совершила прорыв, став первой ученицей восточных гуру и руководителей эзотерических школ. В Индии ее имя было окружено большим почетом, и ее изваяние с надписью «Радда Бай» находится в одном из индуистских храмов Калькутты.

Несмотря на скандальные разоблачения, которыми сопровождалась ее деятельность (в недавнее время ее имя попало в справочник, изданный в Америке под названием «150 наиболее известных авантюристов»), она остается в истории как основательница Всемирного теософского общества и многих трудов по теософии.

В семнадцать лет Елена Ган вышла замуж за сорокалетнего сановника, вице-губернатора Эривани Никифора Васильевича Блаватского. Однако брак оказался непрочным и вскоре распался, она переехала в Тифлис к деду Фадееву. Придя в ужас от этого поступка, он попытался отправить ее к отцу в Россию, но по дороге, обманув приставленных к ней людей, Елена сбежала.

С кавказским периодом жизни было покончено. Блаватская начинает много путешествовать, побывав, в частности, в Египте, Турции и Греции. В двадцать лет попадает в Лондон, где знакомится с неким Морка, человеком с Востока; по некоторым сведениям, он был родом из Раджпутаны (Индия), под его руководством начинает приобщаться к внутреннему совершенствованию и тайнам оккультизма. Свое новое имя Радда Бай (его рекомендовал мифический учитель, т.е. Морка). Нам думается, что в то время она искренне верила в своего учителя из Шамбалы, из этого представительства Высших Космических Сил на Земле, махатм, что в переводе с санскрита означает Великая душа.

В конце 50-х годов Блаватская снова в Европе. Из газет Фадеевы узнают, что она стала сотрудницей Юма, известного спирита и духовидца. Но этим не ограничивается ее неумная и эксцентричная натура. Вскоре поступают сведения о том, что Елена дает фортепьянные концерты в Лондоне, Париже и Вене.

О дальнейшей ее судьбе сообщает Сергей Витте в

своих воспоминаниях: «Во всех этих перипетиях прошло, вероятно, около десяти лет ее жизни и, наконец, она выпросила разрешение у деда Фадеева приехать в Тифлис, обещая снова сойтись со своим настоящим мужем – Блаватским... Вот в это время она почти свела с ума часть тифлисского общества различными

Е. Блаватская и Г.-С. Олкотт среди учеников махатм

спиритическими сеансами, которые она проделывала у нас в доме».

Эти спиритические сеансы были прерваны самым неожиданным образом. В Тифлисе появился неофициальный ее муж певец Митрович, который

Е. Блаватская

переехала в Одессу, к родственникам Елены. Здесь они открывают фабрику чернил, а затем магазин искусственных цветов. Однако оба предприятия скоро прогорают. Митрович выхлопотал себе ангажемент в Каирскую оперу, куда они с Блаватской отправляются морем. И тут случилась трагедия. Почти у самого Каира пароход потерпел крушение. Митрович, борясь со стихией из последних сил, спас свою подругу, но сам утонул, так что в Каире Блаватская оказалась в мокром капоте и без гроша в кармане.

С большим трудом ей удалось переехать в Штаты, где она в 1878 году получила американское гражданство. В Нью-Йорке знакомится и близко сходитится с полковником в отставке Генри Стилом Олкоттом, героем гражданской войны между Севером и Югом и исследователем оккультизма.

7 сентября 1875 года Блаватская с Олкоттом и Уильямом Куоном Джаджем, ирландским адвокатом, создает мировое теософское общество. Одновременно были опубликованы основные положения и направления его деятельности: создание вселенского братства человечества; содействие изучению сравнительной религии, философии и науки; исследование еще необъяснимых законов природы и тайных сил человека.

В сентябре 1877 года в издательстве Дж. Бутона в Бостоне вышел фундаментальный труд Блаватской «Разоблаченная Изида», очень хорошо встреченный прессой и обществом. По оценке нью-йоркской газе-

ты «Геральд Трибюн», «...книга является одним из выдающихся творений века».

Блаватская и Олкотт переезжают в Бомбей и основывают филиал общества, где в 1879 году издают периодический журнал «Теософист». В мае следующего года Блаватская и Олкотт едут на Цейлон и принимают Пять добродетелей совершенства (Панча вила) – основные принципы буддизма.

В Индии их встречали с воодушевлением и восторгом. Впервые западные люди, которые всегда выступали как культуртрегеры и колонизаторы, пришли для серьезного изучения восточной мудрости и восточной философии!

Вот что писала Блаватская родным: «Меня и смех, и злость разбирали, как подплыли к пароходу барки, украшенные цветами и лодки с музыкой. Опутали нас гирляндами так, что Олкотт стал похож на карнавального «boeuf gras», а я на шарообразный рассадник лилий и роз, с музыкой провезли на баркасе к пристани. Там новое удивление! Встретили нас местные танцовщицы, чуть не совсем голые, окружили, все время бомбардируя цветами, и провели... вы думаете к эки-

пажу?.. Как же! – к белому слону!.. Господи! Чего только стоило мне влезть по рукам и спицам голых кули на эту громадину. Чуть я не вывалилась из павильона на спине его, когда слон вставал!.. Других счастливых усадили просто в паланкины, а меня с Олкоттом повезли при бубнах, литаврах и радостных кликах как обезьян на показ, в помещение «Арья-Самадж».

В 1882 году штаб-квартира теософского общества переносится в Адьяр (Мадрас). Этот город становится центром изучения антропософии, вскоре основываются филиалы общества по всей Индии и во многих других странах.

В 1884 году полковник Олкотт и Блаватская едут в Лондон, а затем поселяются в Эльберфельде (Германия). Елена Петровна напряженно работает над книгой «Тайная доктрина». В их отсутствие происходят неприятные события: подкупленные иезуитами слуги Блаватской супруги А. и Э. Куломы выступают с разоблачениями ее парапсихологических опытов и феноменов. Не получив поддержки других членов правления Теософского общества, Блаватская навсегда прощается с Индией. Она продолжает работу над «Тайной доктриной» и публикует ее в 1888 году. Годом раньше она основала в Лондоне журнал «Люцифер», девизом которого было «освещать предметы, сохраняющиеся во мраке».

В 1890 году Блаватская основала европейскую штаб-квартиру теософского общества в Лондоне. Здесь она опубликовала свои книги «Ключ к теософии» и «Голос безмолвия», сохранившей свод канона восточной эзотерической литературы, которую она познала во время пребывания в Тибете.

8 мая 1891 года Елена Блаватская скончалась во время эпидемии гриппа.

8 Мая во многих странах мира отмечают как День Белого Лотоса в память ухода Елены Петровны Блаватской.

В. Ярмахова с детьми Ниной и Павлом. Ордубад, 1917

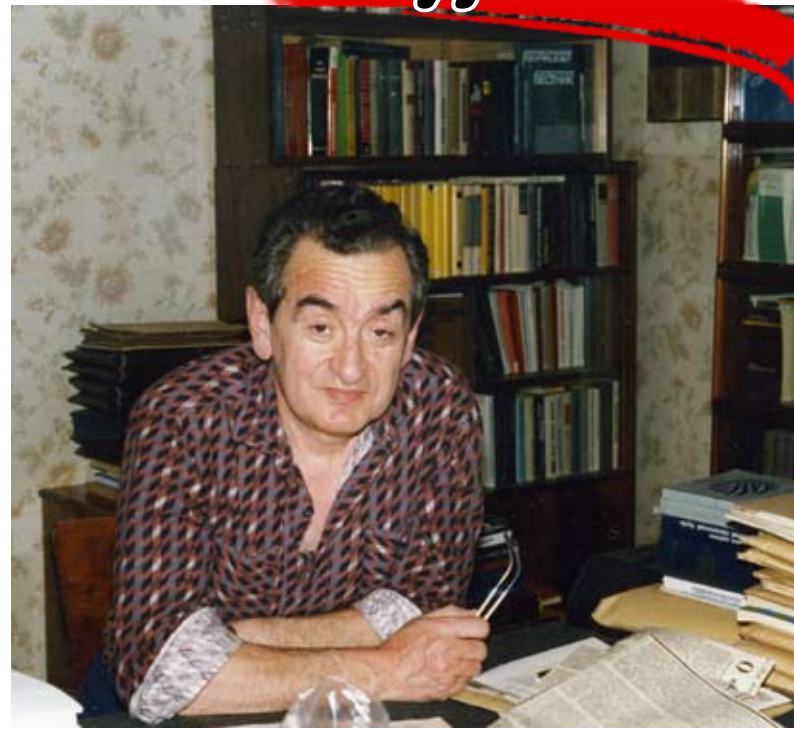
Олег БЕНДУКИДЗЕ

КРАСИВО ПРОЖИТАЯ ЖИЗНЬ

Еще школьником Нодар Киквадзе купил книгу академика Евгения Тарле «Наполеон». И, прочтя ее, был настолько потрясен подробностями биографии великого француза и уровнем работы выдающегося исследователя, что бесповоротно решил для себя вопрос выбора профессии. Закончив в Тбилиси школу с золотой медалью, без особого труда поступил на факультет международной истории в Московский институт международных отношений, легендарный МГИМО. И каково же было удивление студента, когда он узнал, что им на курсе будет читать легендарный Евгений Викторович Тарле. Позже Нодар Киквадзе был дипломником академика, общался с ним довольно тесно и до последних дней любил вспоминать особую интонацию, с которой ученый с мировым именем обращался к сестре: «Душечка, пожалуйста, кофе для меня и молодого человека»...

Он вообще на всю жизнь сохранил благодарность к своим институтским учителям, многие из которых, по его словам, были не только выдающимися учеными и педагогами, но и яркими, запоминающимися людьми. Такими, например, как основоположники советской школы экономической и социальной географии академик Баранский и профессор Витвер. Или профессор Альберт Захарович Манфред, который читал студентам курс всеобщей истории. «Когда профессор впервые вошел к нам в аудиторию, невысокого роста, совершенно седой, - рассказывал Нодар Ираклиевич, - мы решили, что это довольно пожилой человек. Оказалось, однако, что ему тогда было всего 47 лет. А лекции он читал с поистине юношеской страстностью. Когда рассказывал, как после Великой французской буржуазной революции «новая буржуазия» казнила Робеспьера, Сен-Жюста, Кутона, Леба, аудитория плакала».

Лекции самого Нодара Киквадзе, а он преподавал в Тбилисском университете не один десяток лет, иногда, говорят, приходили его послушать даже будущие физики и биологи. Он был блестящим специалистом в области зарубежной истории, особенно новой и новейшей истории стран Западной Европы и США. И, наряду с этим, его репутация энциклопедически образованного человека никогда и ни у кого не вызывала сомнения. Он вообще считал, что историю того или иного государства или народа невозможно понять и оценить, не зная особенностей его культуры, искусства, традиций, духовной жизни, не чувствуя свойств его национального характера. Поэтому в своих лекциях он никогда не ограничивался сухим перечислением и

даже оценкой исторических фактов. Его выступления перед студенческой аудиторией всегда изобиловали примерами и параллелями, часто довольно неожиданными, из самых разных областей. Если же учесть его природный артистизм, склонность к импровизации и незаурядный ораторский дар, становится понятно, почему до сих пор его студенты и аспиранты разных поколений, многие из которых занимают высокое положение, с гордостью называют себя учениками профессора Нодара Киквадзе.

Если вообще понятие «красиво прожитая жизнь» имеет право на существование, к Нодару Ираклиевичу оно относится в полной мере. Наряду с преподавательской, он активно и плодотворно занимался научной деятельностью, был автором порядка 150 научных и научно-популярных трудов, опубликованных в специальных изданиях. Но он не принадлежал к ученым, круг интересов которых ограничен наукой. Работал на руководящих должностях: был заведующим отделом зарубежных связей ЦК Компартии Грузии, депутатом Верховного Совета республики, возглавлял Информационный центр по общественным наукам Академии наук Грузии. Долгие годы Нодар Ираклиевич был членом Советского комитета защиты мира и правления Комитета защиты мира Грузии, участвовал на встречах, семинарах, конференциях, симпозиумах, проходивших в разных странах, принимал активное участие в их подготовке.

Не надо забывать и о том, что Нодар Киквадзе начинал трудовую деятельность как журналист. Вернувшись, после окончания института из Москвы, некоторое время работал литературным сотрудником в редакции газеты «Молодой сталинец». И навсегда сохранил острый глаз, отточенное перо. Его публикации в периодических изданиях Грузии и России не ограничивались какой-либо одной тематикой. Он откликался на самые разные явления общественной жизни, в том числе, и на события в области культуры. Мог, скажем, написать рецензию на премьеру в Театре опе-

ры и балеты, которая, по уровню владения материалом и точности оценок, не уступала работе музыковеда и театрального критика.

С музыкой у него отношения были особые. Будучи большим поклонником искусства, прекрасно разбираясь в литературе, изобразительном искусстве, театре и кино, музыку он не только страстно любил, но и замечательно знал, сам очень хорошо играл на фортепиано. Позволял себе слетать в Москву на премьеру в Большом театре. А день, когда ему по каким-либо причинам не удавалось послушать произведения любимых композиторов в исполнении выда-

С Эдвардом Кеннеди

нибудь, даже среди специалистов в этой сфере, кто бы настолько глубоко знал и так любил русскую литературу. Ко времени нашего знакомства Нодар был вдовцом. Я тоже была одна. Дети выросли. Наш брак, во всяком случае, в моем окружении, на первых порах приняли не все. Все-таки у нас была большая разница в возрасте. Но одиннадцать лет, которые я прожила рядом с этим человеком, были самыми счастливыми в моей жизни».

Сын Нодара Киквадзе Ираклий с семьей давно живет в Великобритании. А в Тбилиси незадолго до смерти Нодара Ираклиевича родилась внучка Лиза, скрасившая его последние дни. Нодара Киквадзе не стало весной нынешнего года. Он успел встретить свое 80-летие.

Сейчас Ирина Чупрынина-Киквадзе занята составлением сборника, куда войдут избранные статьи ее супруга и воспоминания о нем. Из Москвы ей часто звонит однокурсник Нодара Ираклиевича. Он тоже хочет написать о дружбе юности для этого сборника, и очень просит Ирину приехать. Сам он по состоянию здоровья преодолеть путь от Москвы до Тбилиси не в силах.

Недавно на доме, где жил этот видный ученый и общественный деятель, истинный гражданин и патриот, обаятельный, красивый человек, оставивший светлую память в сердцах всех, кому посчастливилось быть с ним знакомым, появилась мемориальная доска. На открытие пришли люди, хорошо знавшие Нодара Ираклиевича, представители грузинской интеллигенции, которые тепло вспоминали своего друга.

«Я очень любила Нодара. Его все любили и уважали. Конечно, его специальностью была история Германии определенного периода, но он был замечательным знатоком общей истории, античной истории, а главное - культуры, не только грузинской. Глубине и разнообразию его познаний можно было только восхищаться.

Однажды мне довелось ехать с ним в Москву на заседание Комитета защиты мира. В дороге он стал рассказывать об исторических фактах, и в таких подробностях, что я рядом с ним чувствовала себя студенткой. Он был очень глубоко образованный человек. Его лекции и выступления были чем-то совершенно потрясающим, открытием чего-то совершенно нового. Я знаю, что об этом говорят его бывшие студенты, наши общие студенты...» Так говорит выдающийся историк и педагог, академик Марика Лорткипанидзе.

Памяти человека, о котором так отзываются коллеги и друзья, невозможно не поклониться.

Дэви БЕРДЗЕНИШВИЛИ

Н.Киквадзе с супругой Ириной на открытии выставки

ющихся музыкантов из коллекции, которую он собирал долгие годы, считал прошедшим впустую.

Судьба распорядилась так, что, во многом благодаря музыке, Нодар Киквадзе, будучи уже немолодым человеком, обрел семейное счастье. «Мы познакомились почти случайно, - вспоминает его супруга Ирина Чупрынина-Киквадзе, - и первое, что он сделал, это усадил меня слушать концерт. У меня довольно серьезное музыкальное образование, и я была немало удивлена тому, насколько этот человек, далекий, казалось бы, по роду своей деятельности, от музыки, тонко чувствует ее. Позднее он не раз обнаруживал неожиданные познания в самых разных областях. Мне, например, редко приходилось встречать кого-

*მასსიათებლებიდან
ფასეულობეზამდე!*

505 505

www.vtb.com.ge

ბანკი ქართვ CARTU BANK

Ваш надёжный партнёр

Грузия, Тбилиси 0162, Пр. Чавчавадзе №39^а ☎ + (995 32) 92 55 92 www.cartubank.ge